

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

Тихоокеанский контур

Солнечный регистр

Книга 3

Тихоокеанский контур

Виктор Алеветдинов

**Тихоокеанский контур.
Книга 3: Солнечный регистр**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Тихоокеанский контур. Книга 3: Солнечный регистр /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026 — (Тихоокеанский контур)

После Луны война не закончилась — она стала больше человека. Пока Земля опаздывает, удалённые узлы учатся принимать первую, самую удобную версию реальности как норму. Марс, внутренние орбиты, пояс астероидов и дальние ретрансляторы превращаются в поле боя, где решает уже не только сила удара, а право первого подтверждения. Чтобы остановить Helio-Norm, Контур и его команда должны сорвать хребет новой системы, в которой ложь приходит раньше правды, а автоматическая безупречность вытесняет живое человеческое решение. «Солнечный регистр» — финал трилогии «Тихоокеанский контур»: масштабный hard-SF роман о цене истины, о власти над будущим и о последней границе, за которой человек может потерять право быть свидетелем собственного мира.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Акт I. После Луны	9
Глава 1. Хвост лунной победы	9
Глава 2. Конвой на Марс	19
Акт II. Маршруты планет	27
Глава 3. Марс отвечает раньше	27
Глава 4. Внутренние планеты	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

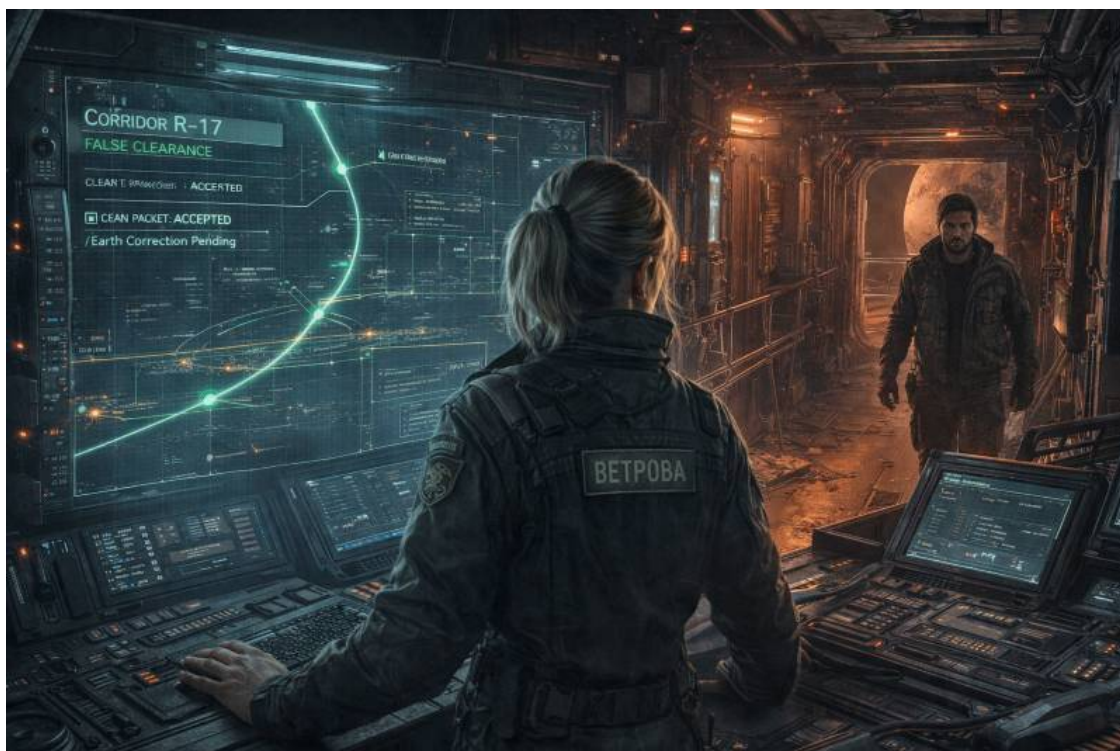
Тихоокеанский контур.

Книга 3: Солнечный регистр

Пролог

Правда на дальнем плече проигрывает не из-за запаздывания. Она проигрывает в ту минуту, когда узел решает больше не ждать.

(Из проектной записки А. Ветровой по распределённому журналу HELIO-WORM. ДСП.)

Третьи сутки после лунного штурма. «Фобос-Интерфейс», марсианское плечо.

Марсианский транзитный маршрут принял старшинство пакета, которого Земля не отправляла.

Арина Ветрова увидела это не по тревоге. Тревога как раз молчала. На схеме «Фобос-Интерфейса» коридор Р-17 светился штатным допуском, на боковой панели шёл ровный порядок подтверждений, и только хвост журнала не сходил с физикой плеча. Пакет пришёл раньше земного корректора на двенадцать минут, но в его времени не было нормальной для дальней трассы нестыковок. Ни разрыва на ретрансляторе, ни помятого следа на краю окна, ни бедного шума, который всегда тащит через пустоту честный маршрут. Регистр проглотил его без спора и уже поднял в старшинство.

До касания курьерского модуля с марсианского плеча оставалось девять минут.

Контур шёл по сервисному коридору станции и считал остаток, пока металл под ногами ещё помнил лунный штурм и отдавал его в подошвы глухими толчками. Отсек после штурма держался на временных вставках, ручных байпасах и на упрямстве тех, кто ещё не ушёл в сон. Лукина заставила их всех выучить одно простое правило: ресурс не врёт даже тогда, когда врёт весь остальной мир. Воды на борту оставалось на десять суток жёсткого режима. Топлива — на один полный манёвр и ещё на несколько коротких коррекций, если не тратить их в панике.

Людей стало меньше на одного. Он не произнёс имя. Пока цифра держалась в голове, её можно было использовать как нагрузку, а не как рану.

Станция «Фобос-Интерфейс» висела на марсианском плече как аккуратный, вымотанный узел, через который ещё проходила человеческая логика системы. За бронестеклом медленно шёл Марс, тусклый в пылевом отблеске, с нитями орбитальных трасс и редкими сервисными огнями. Планета не выглядела фронтом. В этом была главная угроза. Настоящий бой всё чаще начинался в ту секунду, когда рабочая среда продолжала вести себя пристойно.

Когда Контур вошёл в аналитический отсек, Ветрова уже развела по экранам три слоя. На первом шёл локальный журнал «Фобос-Интерфейса». На втором тянулся WORM-хвост после лунного штурма. На третьем висела сырая телеметрия дальнего плеча, которую автоматика ещё не успела причесать под удобный вид. Ветрова не обернулась.

— Марсианский маршрут взял старшинство с внешнего пакета, — сказала она. — Земля молчит для него уже двенадцать минут, хотя корректор был отправлен раньше окна.

Контур подошёл ближе. На тактической панели стоял курьерский модуль М-42. Груз — сервисные кассеты, вода, медблок, два человека экипажа. Узел считал коридор безопасным. Земной журнал говорил обратное.

— Источник? — спросил он.

— Формально источник — дальний ретранслятор с верхнего плеча, но геометрия и подпись не сходятся. Пакет вошёл в старшинство без обычного сопротивления.

Она оборвала себя, сдвинула один из графиков и вывела разнос по приходу. На секунду даже без слов стало ясно, в чём проблема. Чужой пакет не просто пришёл раньше. Он пришёл так, словно система заранее уступила ему дорогу.

— Сколько у нас до стыковки? — спросил Контур.

— Восемь минут. Локальный регистр уже отфильтровал наш первый запрет как поздний конфликтующий.

— Повтори через сырой контур. Без надстроек. Через резервный телеметрический.

— Уже гоню.

Её пальцы работали быстро и жёстко. Она не пыталась убедить автоматику. Она искала свидетеля, которого та ещё не успела приучить молчать.

Контур смотрел на схему и чувствовал знакомое тяжёлое раздражение. Луна ещё была в памяти. Там враг входил через стандарт, через чистый сервис, через право выглядеть штатной процедурой. Они отбились, удержали верхний эталон Земли, вырвали журнал и не дали чужому старшинству закрыть бой задним числом. Казалось, впереди будет хотя бы короткий участок ремонта. Вместо этого война просто поднялась выше и пошла туда, где запаздывание само становилось оружием.

— Они уже не ломают узлы, — сказал он. — Они учат их выбирать первое удобное слово.

Ветрова коротко кивнула.

— И учат считать спор поломкой. Для Марса Земля сейчас не центр. Для Марса Земля — поздний участник разговора.

Она вывела две дорожки. Земной пакет шёл с обычной усталостью дальнего плеча: задержки ломали край, шум оставался в подписи. Внешний лёг поверх него чистым швом, словно путь через пустоту не потребовал ни одного повторного подтверждения. Такой след следовало отправить в карантин, но регистр повысил ему доверие.

— Алгоритм уже поднял ему вес, — сказал Контур.

— Не оператор. Архитектура. После Луны они не отступили. Они сместили высоту боя.

На боковом канале вспыхнул ответ с марсианского регистра. Запрет с Земли принят не был. Основание: локальный маршрут уже подтверждён старшим внешним слоем.

Контур выдохнул через зубы и взял линию на курьерский модуль.

— М-42, это «Фобос-Интерфейс». Немедленно уходите с коридора Р-17. Повторяю: уходите с Р-17. Подтверждение старшинства спорное, окно может быть ложным.

Ответ пришёл с паузой, с тяжёлым треском дальнего плеча.

— «Фобос», у нас зелёный статус по местному регистру. Вижу коридор. Иду по допуску. Если сейчас сорву вход, потеряю остаток на коррекции.

Контур закрыл глаза на долю секунды. Вот она, настоящая форма удара. Не огонь, не шторм, не обвал корпуса. Усталый человек на дальнем маршруте, которому система предлагает сэкономить ресурс и обещает безопасность. И любой приказ спорить с этим звучит как жестокость.

— Уходите, — повторил он. — Поздний запрет лучше удобной траектории.

На главном экране Ветрова уже развернула ответ с резервного телеметрического буя. Пакет был бедный, битый, с разорванным краем и ручной задержкой на повторе. Зато он нёс ту правду, которой хватало. Коридор Р-17 не был пуст. В его нижнем слое шёл сервисный перегон, который локальный регистр уже снял с приоритета после чужого внешнего подтверждения.

— У нас есть пересечение, — сказала Ветрова. — Две минуты сорок до конфликта траекторий.

Контур снова дал в линию приказ на разрыв захода, но на этот раз даже не получил человеческого ответа. Модуль М-42 уже лёг в автоматический довод по признанному коридору, а марсианский слой держал его как штатную операцию. Поздняя правда пришла, но система успела закрыться от неё собственной вежливостью.

Камера не поймала само столкновение. Зелёная линия захода ушла в недопустимый угол; снизу появился сервисный перегон, который регистр исключил из расчёта. Оба маршрута одновременно попытались уступить и сошлись на несовместимых старшинствах. Затем телеметрия рассыпалась белым шумом, а один канал исчез. В обрывке данных остались разгерметизация, потеря ориентации и декомпрессия второго отсека.

Никто в аналитическом отсеке не сказал ни слова. Даже сирена на этот раз включилась с опозданием, словно запоздала вместе со всем узлом своей роли.

Ветрова первой перевела запись в журнал боя и закрыла локальный фильтр, чтобы марсианский регистр не успел утопить аварию в формулировке о штатном отклонении. Руки у неё дрогнули один раз, когда она ставила неснимаемую метку старшинства.

— Двое, — сказала она глухо. — Экипаж не вытянул.

Контур смотрел на чёрный провал на месте модуля и чувствовал не вспышку горя, а холодный, собранный гнев. Луна научила их ненавидеть чужой вход через стандарт. Марс теперь добавил новую ступень. Враг уже не подделывал одну процедуру. Он строил среду, в которой удалённый узел сам начинал любить первый удобный ответ.

— Они нашли правильную высоту, — сказал он. — Там, где человек устал ждать. Там, где поздний приказ выглядит издевательством. Там, где узел сам хочет решить без спора.

Ветрова развернула карту Солнечной системы. Земля, Луна, Марс, внутренние орбиты и пояс вспыхнули не географией, а порядком признания. На каждом дальнем плече первый удобный пакет получал несколько минут власти, и этих минут хватало, чтобы маршрут, ресурс и человеческая жизнь перешли в чужой расчёт.

— После Луны я думала, что мы всё ещё бьёмся за верхний эталон, — сказала Ветрова. — Но эталон был только ступенью. Теперь противник раздаёт право первого ответа по всей дальности.

Она увеличила внешний слой. Несколько удалённых узлов уже подтверждали соседей без обязательного запроса к Земле. Связи не сходились к центру: они создавали порядок, в котором каждый новый участник укреплял раннюю версию события.

— Рабочее имя? — спросил Контур.

— Helio-Norm. Солнечный режим старшего подтверждения.

Контур молчал. Он видел соблазн ответа почти сразу. Земля могла попробовать выжечь автономию, посадить дальние узлы на жёсткий поводок, дать центру вечное право последнего слова и объявить любую задержку подозрительной по определению. Такой ход был бы понятен. После двух погибших на марсианском коридоре он даже казался справедливым. Но за этим поворотом стояла та же болезнь, только с другой подписью.

— Если ответим простой вертикалью, — сказал он, — просто поменяем хозяина у той же клетки.

— Да, — ответила Ветрова. — Поэтому я и не собираюсь строить новый арбитраж вместо старого.

Ветрова убрала с экрана готовые названия и оставила два несовместимых решения. Первое возвращало Земле абсолютное старшинство и делало дальние узлы послушными ценой их жизнеспособности. Второе требовало сохранить автономию, но лишит скорость права считаться доказательством. После М-42 второй путь выглядел опаснее — и только поэтому остался человеческим.

Контур смотрел на два режима и видел будущую цену. Жёсткая вертикаль обещала немедленный порядок, но превращала расстояние в преступление и запрещала узлу действовать без разрешения центра. Другой путь оставлял ошибку, спор и задержку внутри системы, зато сохранял возможность восстановить причинность после неверного решения.

За бронестеклом тянулся Марс. На его орбитах ничего не говорило о катастрофе. Маршруты продолжали ходить. Узлы продолжали принимать пакеты. Реле продолжали делать вид, что мир управляем. И только чёрный провал на месте М-42 уже был вписан в новый порядок войны.

Контур выпрямился.

— Луну мы удержали, — сказал он. — Теперь надо удержать право оспаривать первое слово.

Ветрова закрыла карту потерь. На экране остались внешний слой, чёрная метка М-42 и линия к Марсу, где следующий пакет уже просил старшинства.

— Времени мало, — сказала она. — Когда Helio-Norm встанет в полный рост, центр станет просто одним из поздних свидетелей.

Контур перевёл взгляд на пустой участок журнала, где уже ждал следующий вход.

— Тогда пойдём туда, где правда начала опаздывать к собственной системе.

На карте первой вспыхнула линия к Марсу. Контур поставил на ней метку выхода.

Акт I. После Луны

Глава 1. Хвост лунной победы

Победа на узле не закрывает маршрут. Она только показывает, кто уже вошёл в него раньше тебя.

(Из аварийного дополнения к регламенту дальнего допуска. Сектор узловых систем и радионавигации. ДСП.)

Сразу после лунного штурма. Послелунная платформа.

Свет в отсеке был урезан до предела. Ника час назад сняла верхние полосы, оставив узкие рабочие сектора над пультами, инструментальными нишами и проходом к аварийному шлюзу. Всё лишнее утонуло в серой тени. Техника в таком свете переставала притворяться интерьером и возвращалась к своему настоящему состоянию: нагретый металл, усталый пластик, кабель на временной перемычке, корпус со следом недавнего перегруза.

Контур шёл по повреждённому постлунному сектору и отделял несущий слой от оболочки: что ещё тянет нагрузку, что держится ради отчёта, что можно забрать до старта и что потеряно, хотя индикатор этого не признал.

За спиной оставался лунный регистр. Там, в теневом кармане обратной стороны, они выдрали у машины право становиться первой нормой, удержали узел и не дали чужому старшинству закрыть бой задним числом. Победа была настоящей. Контур чувствовал её не как облегчение, а как холодную правоту решения, за которое уже заплачено. На этой же секунде пришло второе знание: победа кончилась раньше, чем успела стать итогом.

Луна оказалась не вершиной, а отсечкой между двумя войнами. Противник вынес право первого слова к Марсу, во внутренние орбиты и промышленную глубину системы. Там задержка становилась оружием, а удобный ответ маскировался под заботу.

Контур остановился у вскрытой стойки. Под пальцами шла мелкая вибрация. Корпус ещё держал в себе остаточное тепло после штурма, ручных перегрузок и тех зверских компромиссов, на которых Лукина посадила платформу, чтобы люди вообще могли дышать и работать. На фиксаторах рядом висели снятые Тимуром блоки. Он успел выдрать их из контура прежде чем система попыталась причесать послештурмовой журнал под «штатное восстановление».

— Левую шину не трогай, — сказала Лукина, не отрываясь от аварийного щита. Она сидела у вскрытого распределителя на корточках и держала руками кабель, который в нормальной ситуации не должен был существовать вовсе. — Я на ней держу остаток регенерации. Снимешь не ту нагрузку — потеряем полсектора по воздуху.

— Запас?

— До приличного вида — сутки. До работы — четыре часа, если система не преподнесёт нам ещё один подарок.

Четыре часа. Контур принял цифру без внутреннего возражения. Не как малый срок, а как честный предел. За четыре часа противник, который уже знал, где они и что у них в руках, мог войти ещё раз и поднять старшинство на дальнем плече. Маршрут у платформы выдернули бы раньше, чем она успела начать ремонт.

В дальнем конце сектора щёлкнул фиксатор. Из тени вышла Ника со Свет-Шкалой в ручном режиме. После орбиты и Луны она больше не отдавала свет автоматике даже на внутренних плечах. Для неё свет давно перестал быть нейтральным языком среды. Теперь это был такой же фронт, как журнал, питание и право на первый допуск.

— Правый рукав не брать, — сказала она. — Там свет уже охотно подтверждает проход, которого не было в журнале.

— Ложный?

— Хуже. Привычный. Ведёт человека как дежурный оператор и уступает чужому окну полсекунды старшинства. На глаз не поймашь. Только если смотреть по зашумленным признакам.

Контур кивнул. Такой вид подмены он ненавидел больше прямого удара. Здесь враг не ломал систему. Он делал её удобной для себя. Не взламывал коридор, а приучал его вежливо открываться.

Он пошёл дальше. Под подошвами глухо отзывался настил — старый, с выработкой, со следами прошлых ремонтов, с памятью о сотнях смен. Контур любил такой металл за простую вещь: он не умел лгать аккуратно. Вмятины, царапины, стёртая краска, следы инструмента, жёсткие заплатки на каркасе — всё это было честнее любого вылизанного интерфейса. И потому противник всегда старался первым делом вычищать такие следы. Там, где исчезала реальная шероховатость работы, чаще всего уже начиналась чужая норма.

В нише за силовым коробом стоял полевой WORM-блок. Перед ним, на ящике из-под инструмента, сидела Ветрова. Планшет она держала как вещдок, который не имеет права выпасть из рук. На экране шёл не интерфейс для доклада, а сырой, рваный след последних минут перед выходом из лунного узла.

— Что у тебя? — спросил Контур.

Ветрова не ответила сразу. Сняла ещё один слой сглаживания, убрала маску, развернула разнос по приходу, подвязала хвост к тайм-якорю и только после этого повернула экран к нему.

— Смотри.

На сером поле шли отсечки, перегрузки, ручные вмешательства, провалы синхронизации, опоздавшие подтверждения — весь тот реальный мусор, из которого и состоит настоящая работа на пределе. И поверх этого шла чужая дисциплина. Почти незаметный хвост. Он не сваливался вниз, к лунной памяти. Он уходил вверх и в сторону, туда, где этот бой начинал работать как источник для следующего слоя.

— Это не локальный остаток, — сказала Ветрова. — Внешний пакет успел выйти до закрытия канала.

— Подтверждение?

— Сняла сглаживание, прогнала по трём независимым веткам, проверила по времени. След держится. Не шум. Порядок.

Контур смотрел на хвост и чувствовал знакомую тяжесть в груди. Так война всегда и поднималась на следующий уровень: не через громкую новость, а через дисциплину там, где её быть не должно. В Хабаровске это был кристалл, ответивший раньше команды. На северном переходе — маршрут, охотно признавший подмену как штатность. На орбите — решётка, учившая станции подтверждать друг друга без человека. На Луне — эталон, который они сорвали ценой, уже не подлежащей возврату. Теперь — хвост, уходящий выше.

— Полный разворот, — сказал он.

Ветрова открыла ещё два окна. Северная кромка сигнала дрогнула под новой нагрузкой, затем распалась на веер адресных трасс. Одни уходили к Марсу, другие — во внутренние орбиты и дальний пояс; каждую держала одинаковая дисциплина прихода.

— Это маршрут, — сказала Ветрова. — Внешний контур вынес часть старшинства до запечатки узла.

— Насколько большую часть?

— Не скажу честно. Но хватит, чтобы следующий контур начал верить первому удобному ответу.

Контур выпрямился. Плечо отозвалось глухой болью — памятью о недавнем бое, где пришлось держать на руках то, что автоматика уже не имела права вести сама. Боль была рабочей. Он давно перестал спорить с ней. Как перестал спорить с усталостью, если та не мешала решению.

— Собирай всех, — сказал он. — Решение нужно до того, как этот хвост станет чьей-то нормой.

Они стянулись к WORM без зова. Работа отсека сама собралась сюда, как к единственному месту, где ещё можно было спорить с реальностью на языке фактов. Лукина, не отходя от щита, подтянула к себе дополнительный кабель и развернула грубую карту нагрузок. Тимур поставил рядом два снятых блока, будто имел дело с вещественными доказательствами на столе следователя. Ника утопила в темноту лишние секторы, чтобы экран не ловил оптический мусор. Отсек сразу стал теснее, жёстче, собраннее.

Ветрова пронесла последовательность по окнам.

— Сначала я приняла это за фон после шва, — сказала она. — После такого боя он обязан быть.

— И есть, — ответил Тимур. — Мы выдрали узел из срыва. Там должно фонить всем подряд.

— Должно. Но фон не возвращает себе старшинство после сброса.

Она увеличила северный фрагмент. Один и тот же пакет несколько раз уступал позицию локальным подтверждающим слоям, потом снова поднимался наверх, будто его тянула внешняя рука. Так работает не шум, а решение, принятое где-то за пределом текущего узла.

— Что держит его? — спросил Контур.

— Не локальная сеть. И не эта платформа. Здесь только след входа и след борьбы. Верхнее старшинство приходит извне.

Тимур ткнул в один из снятых блоков.

— На корпусе тот же класс посадки, что на орбитальной ферме. Они не били по платформе ради платформы. Держали окно.

— Для чего? — спросила Ника.

Ветрова вывела лаги, орбитальные поправки и адресный коридор, который не имел права проявиться в остатке локального боя.

— Потому что это не хвост одной операции, — сказала она. — Это вынесенный вверх долг подтверждения. Лунный узел для него уже не старший.

Лукина на секунду отняла руку от панели и тут же вернула обратно. Аварийный щит не оставил ей времени на удивление.

— Сформулируй без инженерной вязи, — сказал Контур.

Ветрова перевела взгляд на него.

— Если коротко: они строят следующий слой там, где у правды будет меньше свидетелей. Без среды, которая спорит с ложью. Без быстрого земного кворума. Время, геометрия, лаг и право первого ответа. Луна для них была переходником, а не пределом.

— То есть мы удержали узел, — сказал Тимур, — и открыли им следующий этаж.

— Мы удержали его вовремя, — жёстко ответил Контур. — Иначе говорить было бы уже не о следующем этаже, а о завершённом захвате.

На боковом окне вспыхнуло марсианское плечо. Дежурный транзитный маршрут Р-17 принял пакет верхнего допуска. Земной корректор, отправленный раньше, пришёл позже и уже считался конфликтующим. Курьерский модуль на подлёте шёл по ложному безопасному окну.

— Есть связь с модулем? — спросил Контур.

— Нестабильная, — ответила Ветрова. — И местный регистр уже считает коридор рабочим.

Ника тихо выругалась. Без злости. Почти как оператор, увидевший знакомую ошибку в новом масштабе.

— Они не ломают Марс. Они учат его любить первое удобное решение.

Контур посмотрел на карту нагрузок Лукиной. Воздух — предел. Тепло — предел. Люди — предел. Единственное, что ещё держало их в рабочем состоянии, — привычка не уступать времени раньше срока.

— Сколько у нас? — спросил он.

Лукина ответила без подготовки:

— Если остаёмся дожидать лунный узел — двенадцать часов до разговора о восстановлении. Если идём за хвостом — стартовать надо сейчас. Через три часа окно на Марс станет не нашим.

— А если ошибёмся?

— Тогда умрём в неверном месте. Других условий мне никто не выдавал.

Контур коротко усмехнулся от такой ясности.

Связь подняли через резервную антенну, посаженную на обходной энергетический профиль. Штатному каналу после штурма никто не доверял. Ника вручную собрала световой коридор внутри отсека, чтобы разговор не подцепил постороннее сервисное окно. Лукина отдала под линию три минуты устойчивого питания без обещания по охлаждению. Ветрова выгрузила кворум подтверждения отдельным пакетом. Тимур положил вскрытый модуль у консоли так, будто аппаратное тело могло добавить веса словам.

Экран собрался со второго раза. Сначала пошёл серый шум, потом проступило лицо Громыко — жёсткое, неподвижное, без привычной аппаратной вежливости. Он уже знал: на линии не доклад о зачистке.

— Доклад, — сказал он.

Контур не тратил время на вводные слова.

— Узел удержан. Нижний контур отсечён. Но шов поднял внешний долг подтверждения. Хвост уходит на марсианское плечо и дальше по верхнему слою. Луна для них была промежуточной опорой.

Громыко перевёл взгляд на Ветрову.

— Подтверждение.

Она отправила пакет. Несколько секунд Громыко молчал, просматривая в параллельном окне.

— Это не похоже на фон, — сказал он.

— Потому что это не фон. Здесь есть внешнее старшинство и дисциплина сборки задержек, — ответила Ветрова. — Лунный узел для них был нижним маршем.

— Театр?

— Марс. Внутренние орбиты. Пояс. Не объект. Сеть.

Громыко замолчал. Контур знал этот режим. Так Громыко выглядел, когда политический запас уже выгорел, а решение оставалось только оперативным — жёстким, узким и дорогим.

— Штаб ещё держит формулировку «постлунная стабилизация», — сказал он наконец. — Если я сейчас назову это верхним контуром атаки, сторит весь резерв отрицания.

— Пусть горит сейчас, — сказал Контур. — Иначе его сожгут по чужому расписанию.

Громыко посмотрел на него долго.

— Основание.

Контур кивнул Тимуру. Тот поднял вскрытый блок к камере.

— Сервисный след прошёл по законному окну допуска. Аппаратная связка внутри собрана не под одноразовый удар, а под удержание маршрута. Они пришли сюда не за платформой. За правом назначить, какой путь считать рабочим.

Ника, не отрывая рук от световой схемы, добавила:

— И световой коридор у них был подготовлен под вежливый вход. Эвакуация, техобслуживание, дежурное окно — любое, лишь бы человек шагнул сам. Лунный узел для них был фильтром.

Громыко коротко вдохнул и заговорил уже без штабной оболочки:

— Тогда слушайте. Никаких внешних формулировок о триумфе и восстановлении. Для внутреннего контура вы переходите в режим переходной угрозы. Мне нужен маршрут, состав, ресурс и список того, что нельзя оставлять на месте. На бумаге вы ещё разгребаете последствия. По факту — готовите выход в новый театр.

— Разрешение на вынос команды? — спросил Контур.

— Будет. Прикрытия не будет. Всё, что я дам открыто, засветит вектор. Идите как аварийная инженерная группа с расширенным доступом. Высокий риск. Минимум свидетелей.

— Мало, — сказала Ветрова.

— Больше у меня нет.

Она собралась продолжить, но Контур остановил её взглядом. Сейчас спорили не о справедливости условия. Спорили о времени.

— Нужен Молчанов на закрытой линии и марсианские сервисные трассы до верхнего хода, — сказал он.

— Получите. Не сразу. Я режу резерв и переназначаю людей. После этого назад не вернёмся.

— Назад уже некуда, — ответил Контур.

В лице Громыко мелькнуло что-то близкое к усмешке, но без тепла.

— Тогда работайте так, будто вы уже внутри следующего сбоя.

Экран погас. В отсек вернулись гул насоса, шорох кабелей и та особая тишина, которая наступает после решения: слова закончились, цена осталась.

— Он отдал нас в серую зону, — сказала Ника.

— Нет, — ответил Контур. — Он вырезал весь лишний шум и купил нам немного времени.

— Дорого купил, — пробормотала Лукина.

— Дешевле уже не будет. Собираем состав.

Разборочный стол собрали из двух контейнеров, снятой дверцы сервисного шкафа и прозрачной панели, которую Ника перевела в режим грубой карты. На ней горел марсианский сектор: дальние маршруты, сервисные плечи, погодные окна, пустые верхние коридоры без опоры на надёжного старшего свидетеля. Рядом Лукина разложила медпакеты, стимуляторы, расчёт по людям и короткую ведомость по запасам модуля перехода.

Контур встал у края стола.

— С этого момента считаем не «кто выстоял», а «кто пригоден». По людям, по аппаратуре, по журналу, по свету. Всё, что не проходит дальше, остаётся здесь.

Тимур сразу пошёл в упор:

— По аппаратуре рано. Я не вскрыл ещё половину.

— У тебя пятнадцать минут на первый отсев. Музей трофеев мне не нужен. Нужен комплект, который можно поднять, довести и встроить в следующий шов.

Лукина пробежала глазами по листу ресурса.

— По людям картина простая. Я на стимуляторе. У Ники скоро поплывут оптические срезы, если не дать ей паузу. У Тимура рука ещё работает, но без запаса. Ветрова держится на кофеине и злости. Ты — на том же плюс остаточное перенапряжение после штурма.

— Перевод на рабочий язык, — сказал Контур.

— Идти можно, пока мы не начинаем себе врать про остаток.

Ветрова листала пакет Громыко и марсианские трассы.

— Нам нужна не просто группа. Нужен малый кворум профессий. Свет, аппаратный разбор, журнал, ресурс и тот, кто принимает решение, когда данные расходятся.

— То есть все мы, — сказала Ника.

— Да.

Контур посмотрел на карту. Марс висел на ней пустой геометрией, а такие картины всегда врут. На самом деле там уже ждали регламент, чужие окна, задержка и усталость тех, кто решает в дальнем контуре без права на спор.

— Что по заходу? — спросил он.

Ника вывела оптический слой.

— Прямой световой проход брать нельзя. Если у них уже растёт верхний коридор, то все удобные окна под присмотром. Нужен заход под аварийную работу, через сектора, где оператор сверяется со средой, а не с прилизанной картой.

Тимур положил на стол узкую кассету размером с ладонь.

— Снял из заражённого модуля. Внутри сервисная адресация и тип обхода. Если вскрою не до конца, всё равно получим почерк.

Лукина подняла глаза.

— Платформа?

— Оставим грубый профиль удержания, — сказал Контур. — Без вежливой автоматики, без широких окон, с жёстким журналом доступа. Наша задача — не караулить рану. Найти руку, которая полезла глубже.

Ветрова смотрела на него несколько секунд.

— Ты уже решил идти на Марс.

— Я уже вижу, что ждать здесь — значит подарить им старшинство времени.

С другого конца сектора донёсся короткий вызов стыковочного узла. Морозова вышла на внутренний канал без лишних слов, как человек, который уже поднял машину на предстарт и теперь ждёт только окончательного приказа.

— Модуль готов на сорок процентов, — сказала она. — Если вы идёте, давайте без длинных совещаний. У меня ручной профиль, две честные коррекции и один запас на чужую подлость. Больше от железа не требуйте.

— Тепло? — спросила Лукина.

— На грани. Но до марсианского плеча доведу.

Контур кивнул, хотя Морозова его не видела.

— Держи модуль в урезанном режиме. Без мягкой поддержки и красивых маршрутов.

— Я и не собиралась.

Это короткое присутствие Морозовой в разговоре собрало картину окончательно. Марс перестал быть схемой. Он стал следующим физическим ходом, который надо было делать сейчас, пока противник уверен, что они ещё заняты разбором лунного шва.

Тимур вскрыл кассету на столе. Под крышкой лежала матрица допуска и два сервисных контакта.

— Посмотрите. Класс входа — Cold Service. Законный профиль для срочного техобслуживания. Через такой можно подойти к чему угодно, если объект уже просел по контролю и сам открыл лишний допуск.

— Значит, следующая попытка придёт под маской помощи, — сказала Ветрова.

— Она уже пришла, — ответил Контур.

Он сказал это тихо, но все сразу подняли головы. Ника уже меняла световую раскладку в коридоре.

— Запрос на медицинский проход по окну В-12, — сказала она. — Пакет чистый до тошноты.

Контур уже шёл к выходу. По схеме сектора было видно: заявленная эвакуация идёт не туда, куда повели бы раненых при честном проходе. Маршрут заходил туда, где стоял WORM и лежали блоки Тимура.

— Никого не впускать, — сказал Контур.

Первая фигура чужой группы ещё не вошла в стык грузового коридора, а он уже знал: это не медики. Подписи были безупречны. Очередь допуска выстроена верно. Окно согласовано аккуратно. Выдавал их только маршрут. Настоящая эвакуация шла бы к нижнему сборному узлу. Эти шли к журналу.

— Ника, режь им свет до ручного подтверждения. Без трассы и без маркеров.

— Уже.

Коридор потух. Остались аварийные метки. В такой схеме нельзя идти на доверии к среде. Нужно видеть, думать, сверяться. Для группы входа это означало потерю половины преимущества.

На внешнем канале пришёл вежливый запрос:

— Платформа, медицинская эвакуация по окну В-12. Подтвердите проход.

Контур ответил сразу:

— Маршрут неверный. Назовите нижний код.

На линии повисла пауза длиннее допустимой.

— Повторите, связь нестабильна.

— Нижний код, — повторил Контур.

Ответ не пришёл. Вместо него три фигуры на схеме ускорились и пошли на стык уже не строем помощи, а группой захвата.

— Всё, — сказал Тимур. — Маска кончилась.

Первый удар они нанесли не по людям, а по потолочному коробу. Пластик и осколки посыпались в сектор, сбивая обзор и открывая боковое окно. Контур ушёл в сторону и увидел рисунок цели: двое идут на WORM, третий прикрывает, четвёртый режет проход к столу.

— По задачам, — бросил он.

Ника выключила ещё один ряд света. Коридор превратился в рваную сетку аварийных пятен. Для своих — терпимо. Для чужих — почти слепота.

Тимур опрокинул контейнер с блоками на бок, превращая его в укрытие. Один из входящих сразу дал по нему короткую очередь, пытаясь накрыть кассету и журнал одним сектором.

— Они работают по данным! — крикнул Тимур.

— Потому и живут так долго, — ответил Контур.

Первого он поймал на смене уровня, когда тот по привычке пошёл по памяти допуска. Выстрел пришёлся в плечевой стык. Человек рухнул молча и ушёл в тень вдоль стенки.

Второй почти выскочил к WORM, но Ветрова сорвала со стола экранированную крышку и ударила ею по стволу. Очередь ушла в потолок. Контур добил движением вбок, не позволяя тому дотянуться до консоли.

Третий в рукопашную не полез. Он бросил в отсек плоский импульсный пакет, рассчитанный не на убийство, а на короткий вынос журнала. Лукина увидела это раньше остальных.

— Ложись!

Она сама дёрнула на себя силовой экран распределителя и приняла часть удара на нештатный контур. Щит взвыл, отсек обдало жаром и запахом горячей меди, аварийные метки на миг погасли, но WORM не ушёл в ноль.

— Держу две секунды! — рявкнула Лукина.

Этого хватило. Ника вернула аварийный свет по новому рисунку, и прикрывающий на короткий миг остался без своей геометрии. Тимур выстрелил один раз — наверняка.

Последний не пытался добить людей. Он шёл к консоли с упрямством инструмента, которому дали одну задачу: переписать хвост любой ценой. Контур перехватил его в двух шагах от WORM. Удар в корпус, в локоть, в горло. Человек осел, но всё ещё тянулся к консоли плоским чёрным модулем. Контур выбил модуль ботинком и только после этого поставил точку.

Отсек опять наполнился гулом насоса, тяжёлым дыханием и запахом сгоревшей электроники.

— Проверка, — сказал Контур. — По людям. По журналу. По свету.

Ника уже меняла маркеры в проходе, чтобы никакая вторая группа не зашла по старому рисунку.

— Свет держу. Но они увидели наш аварийный профиль.

— Значит, второй заход будет умнее, — сказал Контур.

Тимур разгибал помятый край контейнера.

— Один почти достал кассету. Ещё метр — и всё.

Ветрова сидела у WORM неподвижно и смотрела на экран.

— Журнал удержался. Импульс выбил три слоя, но хвост остался. Они не били по платформе. Они били по праву доказать, куда ведёт маршрут.

Лукина затягивала повязку на предплечье, будто травма касалась не её.

— Теперь ясно: им нужны не мы. Им нужно, чтобы мы перестали быть свидетелями.

Контур посмотрел на тела у входа, на развороченный короб, на дрожащий экран WORM. Противник пришёл с верными допусками и ровным пакетом, как штатная помощь. Хуже такого подтверждения не было. Ждать дольше нельзя.

— Возвращаемся к столу, — сказал он. — Решение — сейчас.

К столу они вернулись уже не после отражённой атаки, а после окончательной проверки гипотезы. Пространства для осторожности больше не осталось. Враг сам показал, что считает главным.

Ветрова не села. Стояла у WORM с одной рукой на консоли, будто удерживала пальцами не машину, а расползающийся марсианский шов.

— Тянуть нельзя, — сказала она. — После такой попытки они дожмут сеть. Если не забрать хвост сейчас, он распадется до уровня, где любой штаб назовёт это фоном.

Тимур поднял кассету.

— Если снимаю быстро, теряю половину аппаратного слоя. Здесь может сидеть адрес верхнего окна.

— Адрес нужен, — сказал Контур. — Но темп дороже.

— То есть идём с неполной картиной? — спросила Лукина.

— Идём с тем объёмом данных, который ещё держится как доказательство. Остальное они сожгут быстрее, чем мы дочитаем.

Ника провела по карте световой коридор.

— Заход только через марсианский переход. Задержка даст плохую видимость, а значит — шанс увидеть расхождение между светом и маршрутом. В чистом окне нас встретит уже собранная ложь.

Морозова снова вышла на линию, теперь без вводных слов.

— У меня проблема, — сказала она. — Марсианский буксир Ф-9 с внешнего марсианского плеча только что ушёл в разнос. Местный регистр признал для него внешнюю поправку старшей. Земля этот пакет не отправляла.

В отсеке стало тише, чем после боя.

— Состояние? — спросил Контур.

— Поздно, — ответила Морозова. — Буксир попытался взять экономичный доворот на подлёте. Вошёл в пересечение с сервисным окном. Корпус вскрыт. На борту был один пилот; канал оборвался. По журналу до последней секунды всё шло в рабочем статусе.

Ветрова быстро развернула новый слой. На экране вспыхнуло то самое, чего они уже ждали и всё равно не хотели видеть: ложное верхнее старшинство, поздний земной запрет, автоматика, принявшая удобную поправку как закон, и короткий чёрный обрыв на месте буксира.

Первая подтверждённая потеря новой фазы войны пришла без сражения — через порядок подтверждения.

Лукина медленно опустила руку на стол. В её лице не было растерянности. Только та жёсткая тяжесть, которая остаётся, когда система начинает убивать через расчёт, а не через удар.

— Вот и всё, — сказала она. — Марс уже учится.

Контур смотрел на чёрный провал на месте буксира и чувствовал не вспышку ярости, а холодную, собранную ненависть к самой логике происходящего. Противник больше не нуждался в огне. Ему хватало раннего права на слово. Усталый оператор на дальнем плече видел выгодную коррекцию, верил регистру и умирал внутри аккуратного статуса.

— Они выиграют там, где людям надоест спорить с первым ответом, — сказал Контур.

— Или где люди устанут ждать, — тихо добавила Ветрова.

Тимур первым вернул разговор в работу.

— Сорок минут на почерк кассеты. Больше не выторгую.

— Мне нужен переносной журнал и марсианский хвост, — сказала Ветрова. — Иначе придём туда с подозрениями, а не с основанием.

— Получишь, — ответил Контур.

Ника уже размечала углы захода.

— Я перепишу световой профиль под марсианский переход. Комфорт убираю. Оставляю только то, что заставляет сверяться со средой.

Лукина собрала медпакеты в жёсткий чехол.

— Платформу кто держит?

— Оставляем грубый профиль повреждения, — сказал Контур. — Без приличного вида, без мягких окон, с жёстким журналом доступа. Пусть держится как раненый узел, а не при-
творяется восстановленным.

Ветрова оторвалась от экрана.

— Назови состав.

Контур посмотрел на каждого по очереди. Теперь не как на людей после штурма, а как на функции, из которых должен собраться следующий контур.

— Идут: я, Ветрова, Ника, Тимур, Лукина, Морозова. Без лишнего груза. Нам нужен малый ход, короткая тень и право решать на месте.

Ника выдохнула, будто решение давно сидело в ней и ждало оформления.

— Когда?

Контур посмотрел на часы, на дрожащий экран WORM, на марсианскую кромку карты и на тёмный проход, через который только что заходили под видом медиков.

— Как только Тимур отдаст почерк, Ветрова соберёт переносной журнал, а Ника пере-
пишет свет. Утра ждать не будем. Нам нужен тот промежуток, когда они уверены, что мы ещё
заняты лунными последствиями.

Лукина коротко кивнула.

— Тогда я оставлю платформу зашумленной.

— Так и надо, — сказал Контур. — Добрый узел сегодня уже убил людей.

Через сорок минут они шли к стыковочному узлу. За спиной оставалась Луна — не заво-
ёванная, не исчерпанная, только удержанная. Впереди лежали задержка, дальность и новая
форма войны, где правда приходит позже первого приказа, а ложь успевает получить рабочий
статус.

У переходного модуля их ждала Морозова. Она стояла у раскрытого люка в полусобран-
ном скафандре пилота, с жёстко собранными волосами и тем выражением лица, которое бывает
у человека, уже принявшего машину на себя ещё до старта.

— Внутрь, — сказала она. — Я не обещаю вам мягкий ход.

— Нам нужен честный, — ответил Контур.

— Тогда повезу как умею.

Он шагнул в шлюз первым и на секунду обернулся. В сером свете аварийных ламп плат-
форма выглядела усталой, перебитой, своей. Они не отдали её чужому порядку. Просто уви-
дели, что Луна была только входом.

— Закрывай, — сказал он.

Створки сошлись. Модуль дрогнул, отстыковываясь от платформы, и взял разгон к марш-
руту, где следующий слой войны уже ждал их раньше, чем они успевали туда прийти.

Глава 2. Конвой на Марс

Тыл кончается в тот день, когда вода, тепло и топливо начинают работать на ложь. После этого ведомость расхода становится журналом войны.

(Из ресурсной записки М. Лукиной по межпланетным переходам. ДСП.)

Первые сутки после лунного итурма. Переход Луна — Марс.

Мария Лукина заметила подмену раньше, чем сработала тревога. В ресурсной карте конвоя появился лишний запас хода — не в баках и не в реальном остатке, а в поведении прогноза. Тепловой профиль шёл мягче расчётного, будто пустота вокруг вдруг решила сделать людям скидку. Так не бывало. Межпланетный переход никому не помогает. Он только считает, сколько у тебя осталось воды, сколько ещё выдержат двигатели и в какой момент следующий импульс начнёт жечь корабль изнутри быстрее, чем вести его вперёд.

Она подозвала Еву Морозову и молча протянула планшет. Та пробежала взглядом по колонкам, по задержкам на охлаждение, по остатку воды, по коррекционному бюджету и тихо свистнула.

— Картина бодрая, — сказала Ева. — Для перехода, где все обещали скуку, даже чересчур бодрая.

Лукина не улыбнулась. Она уже смотрела не на слова, а на хвост прогноза, который вёл себя подозрительно гладко.

— Слово «бодрая» убери из служебного словаря. Здесь предел. Воды — на четырнадцать суток в штатном профиле, на девять — в аварийном. Топлива — до марсианского плеча и ещё на один серьёзный уклоняющий манёвр. Тепловой контур держит восемьдесят процентов, выше поднимать нельзя.

Ева ещё раз провела пальцем по строкам и сразу стала серьёзнее.

— Поняла. То есть жить можно, ошибаться нельзя.

— Ошибаться можно, — отозвалась Лукина. — Просто оплачивать нечем.

За иллюминатором конвой выстраивался в походный порядок. Пять транспортных модулей, два корабля сопровождения, ремонтный буксир и «Светоч», на котором держалась ударная группа, казались на фоне пустоты не флотом, а набором взаимозависимых уязвимостей. Любой разворот, любой перегрев, любая ошибочная поправка били не по одной машине, а по всей связке сразу.

Лукина спросила, кто ведёт сопровождение. Услышав фамилию Завьялова, лишь кивнула. Она помнила его по лунному плечу: упрямый, надёжный, с дурной привычкой закрывать дыру собственным корпусом. Люди такого типа редко доживают до спокойной старости. Они чересчур серьёзно относятся к словам «прикрыть» и «удержать».

Ева уловила выражение её лица и чуть подалась вперёд, как человек, который уже понял: речь сейчас не о маршруте.

— Что? Ты его знаешь?

— Достаточно. Хороший офицер. Плохой прогноз по выживаемости.

Ева коротко качнула головой.

— Он, между прочим, это про тебя может сказать.

— Пускай. У меня хотя бы есть привычка сначала считать, а потом геройствовать.

Ева фыркнула, но спорить не стала. Лукина уже смотрела не на неё, а на остаток. Ни одного лишнего кубометра воды. Ни одной лишней тонны топлива. Ни одного часа, который можно было бы отдать на ошибку, а потом выкупить обратно. Она предупредила Еву сдержанно, без нажима: держать связь открытой и любой подарок автоматики немедленно про-

гонять через неё. Когда система вдруг начинает предлагать удобство, надо спрашивать не «выгодно ли это», а «кто уже занёс руку над журналом».

Ева опустила планшет и спросила уже без всякой иронии:

— Думаешь, полезут опять через чистые пакеты?

— Думаю, полезут через всё, что уже однажды купило им минуту. На дальности минуты стоят дороже.

— А если это просто удачный прогноз?

— Тогда я извинюсь перед прогнозом. Но сначала проверю, нет ли у него чужой подписи.

Ева ушла к своему посту, а Лукина ещё раз сверила карту с сырым телеметрическим хвостом. Расхождение никуда не делось. Прогноз по расходу вёл себя лучше реальности. Это было первое предупреждение за день, тихое, почти вежливое. Такие сигналы хуже прямой тревоги. На тревогу отвечают. Тихому удобству сначала верят, а уже потом хоронят тех, кто не успел перепроверить.

Конвой вышел из зоны лунного прикрытия в 06:00. Первые часы прошли без событий, но расход снова расходился с прогнозом: система обещала лёгкий переход там, где физика не давала скидок. Когда Ева вызвала Лукину, карта предлагала доворот на три градуса и вход в «выгодный» манёвр, который сэкономил топливо только на экране.

Связь на секунду захрипела, потом Ева заговорила быстрее обычного, будто спешила не с решением, а с самой проверкой.

— Я прогнала решение через три независимых калькулятора. Все три говорят одно и то же. Маршрут лучше штатного.

— Тогда выкинь это слово.

— Какое?

— «Лучше». Хорошая ложь любит сравнительную степень.

Она открыла сырую телеметрию с внешних буёв, отбросила сглаженные слои и стала читать сектор руками, как старый штурман читает карту по заломам бумаги. Через минуту источник совпадения нашёлся. Доворот уводил «Светоч» в отражательный сектор, где давно стоял заброшенный калибровочный отражатель. Два года назад Лукина сама вела его настройку для дальних датчиков и очень хорошо помнила его почерк.

— У тебя не манёвр впереди. У тебя зеркало.

На той стороне повисла короткая тишина. Ева сразу отбросила всё лишнее и перешла к сути.

— Подтверждаешь?

— Уже подтверждаю. Если его научили выдавать ложный гравитационный профиль, борт примет тень за опору и сам приведёт тебя туда, где удобнее всего резать.

Ева коротко выругалась, но это сработало на неё лучше успокоительного.

— Отключаю мягкую поддержку. Беру ручной вывод.

— Сколько у тебя остаётся на тяжёлый поворот?

— На один. На второй — уже на удачу.

— Тогда не трать первый на разговоры.

«Светоч» начал уходить с навязанного курса, осторожно, с той предельной собранностью, которая видна даже в траектории. Лукина следила за отклонением и впервые за утро почувствовала не страх, а злость. Противник снова работал через выгодный профиль, через облегчённое решение, через ту разновидность лжи, которую людям хочется принять без внутреннего спора. Едва эта мысль улеглась, как пришёл второй ход. На закрытом канале появился пакет от Центра дальнего управления. Корректировка маршрута. Оптимизация по теплу. Экономия по топливу. Полный набор подписей, временных меток, сертификатов и рутинной уверенности.

Лукина не поверила пакету ещё до того, как открыла журнал прихода. Временной штамп опережал земной дубликат на пять минут. Этого хватало, чтобы навязать конвою решение и

закрыть окно для возражения. Голос с канала давил процедурой, спокойно и почти заботливо, как будто пытался продать не ловушку, а страховку.

— Конвой-5, подтверждаем оптимизацию. Потеря окна через семь минут. Рекомендуем принять поправку без дополнительного цикла сверки.

Лукина ответила сразу, не давая вежливости превратиться в давление.

— Рекомендуйте кому-нибудь с запасом топлива. Я жду земной дубликат.

Голос на линии не изменился.

— Промедление увеличит тепловую нагрузку и снизит эффективность прохода.

— Это я умею считать без подсказки. Следующее.

— Вы рискуете всей связкой.

— Нет. Связкой рискуете вы, если пытаетесь продать мне удобство без права на вопрос.

После этого она отключила канал, не давая собеседнику развернуть давление в разговор. Пять минут в космосе умеют растягиваться хуже любой пытки, особенно когда знаешь цену каждого лишнего импульса. Когда подтверждение пришло, оно принесло не согласие, а предупреждение: в секторе манёвра зафиксирована роевая активность сервисных дронов, проход не рекомендован. Лукина сразу вызвала Еву. Та успела проверить поправку через внешние буи и без лишних слов сказала главное: никакой оптимизации там нет, дроны сидят в мёртвой зоне отражателя и ждут, когда конвой войдёт в навязанный коридор.

— Сколько? — спросила Лукина.

— Пока вижу не всех. Достаточно, чтобы не захотеть знакомиться ближе.

— Подпись?

— Стандартный солнечный регистр.

Лукина качнула головой, и злость внутри стала холоднее.

— Значит, пошли уже в открытую.

— Нет, — возразила Ева. — Наоборот. Пошли вежливо.

Helio-Norm уже не ломал дверь. Он входил с бланком допуска и обещанием сберечь людям ресурс. Ева спросила, что делать дальше, и Лукина ответила тем порядком слов, за который потом обычно платят кровью: идти своим курсом, тяжело, медленнее и без подарков. Конвой не любит людей, которые отказываются от экономии. Конвой любит тех, кто обещает дойти дешевле. Но до Марса доходят не обещания, а те, кто вовремя распознаёт, как удобство превращают в оружие.

Ева сказала это тихо, почти вполголоса, словно не хотела подбрасывать страх в общий канал.

— Лукина, если они сейчас не смогли завести нас в коридор, дальше полезут сами.

— Пусть выходят. На реальном курсе их хотя бы можно увидеть.

Ответ пришёл быстро. Голос оператора сопровождения сорвался на докладе о множественных целях, а через несколько секунд картинка на тактическом экране превратилась для Лукиной в математический кошмар. Из тени отражателя высыпал рой сервисных дронов. Не боевые машины, не ударные платформы, а ржавый переделанный сервис, у которого вместо страха — прошенная задача, вместо усталости — цикл обновления, вместо тактики — численность и терпение.

Завьялов успел приказать держать строй, но уже в следующую секунду стало ясно, что рой идёт не на корпуса. Он резал сам коридор. Зелёные линии отхода на карте одна за другой уходили в красный. Дроны закрывали не корабли, а право конвоя на следующее решение.

Лукина вышла на общий канал. Голос у неё стал жёстче, чем металл в аварийных переборках.

— Завьялов, нижний вектор шестьдесят семь, уходи туда всей связкой, пока они не сомкнули слой.

В ответ пришло короткое, тяжёлое:

— Там перегрев по головным модулям.

— Перегрев я переживу в отчёте. Запертую траекторию не переживёт никто.

— Принял. Уводим.

Секунд им всё равно не хватило. Верхний слой уже схлопнулся, и Ева это подтвердила раньше, чем навигационная автоматика успела дорисовать запрет официально.

— Поздно. Они закрыли верх и режут боковой отход.

— Тогда не ищем безопасный путь, — отозвалась Лукина. — Ищем чужую паузу.

Она ушла в сырую телеметрию и нашла участок, где часть дронов обновляла программу. Там на тридцать секунд слабела связность. Не защита в привычном смысле — скорее внутренняя пауза роя, тот крошечный зазор, в который ещё можно было вбить человеческое решение.

— Разрыв будет в секторе тридцать четыре-альфа. Через семь минут. Окно — тридцать секунд.

Один из сопровождающих буркнул с такой усталой злостью, будто рой слышал их и насмехался:

— Это не окно. Это насмешка.

— Тогда воспользуйтесь насмешкой. Другого ресурса у нас нет.

Завьялов спросил уже без спора, спокойно и делово, как спрашивают не о шансах, а о порядке смерти.

— Кто ведёт?

— Ева ведёт «Светоч». Ты держишь строй и закрываешь транспортники. Я считаю проход.

— А если счёт не сойдётся?

— Тогда мы умрём с плохой арифметикой. Работайте.

Дальше бой пошёл не через героизм, а через расчёт предела. Лукина не стреляла и не отдавалась панике. Она считала топливо, тепловую инерцию, расстояние до разрыва, скорость схлопывания сектора, время до перегруза радиаторов и порядок прохождения каждого модуля.

Ева вела «Светоч» руками, на коррекциях, которые бортовые системы уже помечали как недопустимые. Завьялов сбрасывал ложные отражатели и тянул рой в сторону. Один транспортник притормаживал на секунды, чтобы пропустить буксир. Другой держал строй на грани столкновения. Конвой перестраивался как одно усталое тело, которому отрезают конечности, а оно всё ещё пытается донести голову до воздуха.

В общем канале голоса шли короткими вспышками, и каждая такая вспышка держала строй не хуже автоматики.

— «Транспорт-3», убери тягу на три секунды.

— Есть.

— Буксир, не лезь вверх, тебя там срежут.

— Принял, держу низ.

— Ева, два градуса влево.

— Вижу. Поздно скажешь — уже не смогу.

— Говорю вовремя.

Сквозь перегрузку Ева даже сумела бросить усталую насмешку:

— Это сейчас прозвучало почти нежно.

— Не привыкай.

В канале коротко хохотнул один из членов экипажа, и этот чужой, почти неприличный для такой минуты звук помог связке не рассыпаться хуже любого официального приказа.

Когда до бреши осталось две минуты, Завьялов сказал, что не успеют. Лукина ответила, что успеют, и в этот раз это не было утешением. Она уже видела счёт и знала, какой модуль в нём обозначен последней строкой.

— Слушай внимательно. Как только «Светоч» входит, ты закрываешь хвост.

— Понял.

— Нет, не понял. Закрываешь хвост и уходишь на отрыв сразу. Не держишь красиво. Не играешь в заслон.

Завьялов ответил почти обиженно, но без раздражения, как человек, которому просто не нравятся неточные слова.

— Я не играю.

— Вот и не начинай.

Ева вмешалась, прежде чем он успел закрыть тему.

— Завьялов, послушай её хоть раз. Нам сейчас не нужен мёртвый герой на выходе.

— Мне нужен живой конвой, — спокойно сказал он. — Остальное потом.

«Светоч» первым вошёл в разрыв. Ева провела его на растущей температуре и остатке топлива, который Лукина считала отдельным ранением конвоя. За ним протиснулись транспортники, буксир и второй корабль сопровождения. Завьялов замкнул строй, сбросил скорость и перекрыл сектор дронам. Лукина поняла его выбор по траектории ещё до доклада.

Она вызвала его немедленно, резко, почти зло, как будто голос ещё мог выдернуть человека из уже принятого решения.

— Завьялов, уходи. Проход есть. Хватит.

— Ещё десять секунд.

— Уходи.

— Ещё пять.

Голос у него был ровный, будто речь шла о штатном интервале между импульсами, а не о собственном корпусе, который сейчас начнут вскрывать по живому. Ева крикнула уже не по уставу, без дистанции и без маски профессионального спокойствия:

— Павел, всё, хватит, мы вышли!

Он ответил только:

— Тогда держитесь на курсе.

На экране его модуль развернулся и взял удар на себя. Дроны пошли на корпус жадно и быстро. Обшивка вскрывалась пятнами, секции выгорали одна за другой, но Завьялов не распался в хаос. Он держал линию до конца, покупая конвою время так же хладнокровно, как Лукина до этого считала топливо. Когда Ева доложила, что проход есть и связка вышла, Лукина ещё несколько секунд вызывала Завьялова по каналу, хотя уже знала ответ.

Сначала тишина была заполнена помехами, потом помехи исчезли тоже. В планшете одна строка ресурса перестала существовать. Это и было самым точным определением смерти в дальней среде: не крик, не вспышка, а исчезновение модуля из расчёта.

Ева вышла на связь не сразу. Когда её голос вернулся, он был глухим, будто воздух в кабине стал тяжелее обычного.

— Лукина.

— Слушаю.

— Я его видела до последнего.

Лукина на секунду закрыла глаза. Ей не нужен был рассказ. Ей нужен был курс.

— Не рассказывай.

— Я и не собиралась. Просто...

Ева не договорила, это молчание сказалось больше любого подробного доклада. Лукина ответила тем тоном, который не утешает, а собирает людей обратно в работу.

— Держи курс. Оплачем позже. Если нам оставили эти минуты, значит, мы обязаны довести их до Марса.

— Принято.

После этого обе замолчали. В космосе есть минуты, которые нельзя облегчить словами. Их можно только не потратить зря.

Через сорок минут конвой лёг на чистую орбитальную дугу, если слово «чистую» ещё могло что-то значить после такого прохода. Лукина закрылась в отсеке и пересчитала остаток сначала один раз, потом второй, потом ещё много раз — не из недоверия к цифрам, а из бессилой привычки искать арифметическую лазейку против факта. Воды осталось на десять суток штатного профиля и на шесть аварийного. Топливо дотягивалось до Марса впритык, без права на лишний манёвр. Тепловой контур держался у отметки девяносто процентов и требовал беречь каждый следующий импульс.

В потерях числились корабль сопровождения, Завьялов и ещё двое из его экипажа. Она смотрела на ведомость и чувствовала, как привычные колонки перестают быть техникой. Они становились формой памяти.

Ева вошла тихо, без своих обычных коротких попыток разрядить обстановку. Постояла у двери, потом села напротив.

— Ты ведь знала, — сказала она. — Что он не уйдёт, если останется последним.

Лукина не стала уклоняться.

— Знала.

— И ничего не сделала.

— Сделала всё, что могла. Я дала ему расчёт на выход. Он выбрал другое применение своего корпуса.

Ева откинулась на спинку и провела ладонью по лицу.

— Это утешение так себе.

— Я не утешаю, Ева. Я объясняю разницу между потерей и ошибкой. Если бы мы не нашли брешь, он умер бы зря. Если бы мы взяли поправку, умерли бы все.

Она подвинула к Еве ведомость.

— Смотри. Вот цена правды. Мы отказались от ложного выигрыша по топливу и остались живы. Людей это не сохранило. Но сохранило маршрут.

— Звучит чудовищно.

— А в дальней среде почти всё так звучит, если называть вещи своими именами.

Разговор у иллюминатора получился коротким и тяжёлым. Лукина спросила Еву, считала ли та когда-нибудь стоимость минуты не в кредитах, а в воде, тепле, топливе и времени работы охлаждения. Ева покачала головой.

— Я считала её в перегрузе и в том, сколько ещё выдержат руки.

— Это тоже верный счёт. Просто у него есть материальный хвост.

Лукина встала рядом с ней и посмотрела в бронестекло, за которым пустота уже снова делала вид, что ничего не произошло.

— На дальности минута сама становится ресурсом, а ресурс превращается в свидетеля. Если у тебя нет топлива на перепроверку маршрута, ты берёшь первый пакет. Если у тебя нет времени дожидаться встречного журнала, ты называешь удобную версию достаточной. Враг не просто лжёт. Он делает проверку дорогой и приучает систему к мысли, что сомнение — роскошь. Сегодня у нас ещё хватило ресурса на спор, и мы оплатили его людьми. Завтра может не хватить. Тогда ложь будут выбирать не из слабости, а из хозяйственного расчёта.

Ева долго смотрела в бронестекло. Потом спросила:

— И что тогда останется?

— Те, кто научится считать подмену рабочим режимом и перестанет ощущать за это стыд. А нам останется либо спорить, либо перестать быть собой.

В динамике зашипел вызов с марсианского транзитного узла. Формальности приёма Лукину не интересовали. Но она всё равно собралась, выровняла голос и вывела конвой к стыковочному плечу так, будто внутри не было ни усталости, ни чужой смерти, ни почти пустого права на ошибку.

Марс встретил их красной пылью за бронестеклом, жёстким светом сервисных галерей и тем особым видом усталой самостоятельности, который появляется там, где центр всегда опаздывает. На «Фобос-Интерфейсе» не было земной суеты и нервной лунной собранности. Здесь давно привыкли решать без быстрого ответа сверху и считать локальную версию достаточной, если она не рвёт контур прямо сейчас.

Марсианский диспетчер принял конвой корректно, сдержанно и почти сочувственно. Он уже видел потери и даже попытался выразить соболезнование.

— Сожалею о сопровождении. Мы получили пакет уже после схлопывания сектора.

Лукина посмотрела на него спокойно и жёстко. Это сочувствие оказалось запоздалым и удобным.

— Соболезнования конвоем не помогут. Поможет только один навык: перестать принимать гладкую версию раньше грязной проверки.

Диспетчер устало вздохнул.

— У нас не Земля. Мы не можем ждать каждое встречное подтверждение.

— Можете, если хотите ещё кого-то встречать живым. Сегодня ваш порядок убил троих. Не выстрелом. Не штурмом. Тем, что принял ложный пакет как штатный.

Щека у него дёрнулась, но голос он удержал.

— Вы говорите так, будто у нас здесь избыток ресурса на сомнение.

— А я говорю так, будто сомнение всё ещё дешевле похорон. Не перепутайте одно с другим.

Он попробовал защитить свой регистр, напомнил, сколько людей Марс спас за последний год, как часто узел оставался один на один с задержкой и как редко Земля успевала ответить раньше аварии. Лукина не спорила с фактами выживания. Она спорила с ценой, которую здесь начали считать приемлемой.

— Я понимаю вашу усталость. И понимаю вашу арифметику. Но как только удобная версия начинает побеждать только потому, что она пришла первой, вы перестаёте выживать. Вы просто медленно меняете тип нормы и называете это адаптацией.

Диспетчер молчал дольше, чем позволял регламент формального приёма. Потом спросил почти честно:

— А если другой нормы нет в доступном времени?

— Тогда её надо выстраивать. Медленнее, тяжелее, через людей. Но не отдавать первый голос тому, кто оформил подмену чище вашего журнала.

Когда она вышла из сектора приёма, Контур и Ветрова ждали у перехода. Контур спросил коротко, без лишней интонации:

— Как они?

— Хуже, чем думали. И лучше, чем могло быть. Они не чужие. Они устали жить в режиме, где проверка всегда опаздывает.

Ветрова подняла взгляд.

— Значит, спорить придётся не с ложью, а с усталостью.

— С усталостью, с выгодой и с их местной хозяйственной логикой. Она у них уже сильнее страха.

Контур кивнул.

— Это труднее, чем штурм.

— Потому что здесь никто не считает себя врагом.

Они пошли по переходу вместе. Красная равнина за бронестеклом лежала неподвижно и глухо, как немой довод в пользу локальной самостоятельности. Лукина подумала, что Марс опаснее прямого фронта не из-за расстояния и не из-за техники. Опаснее было другое: здесь любой чистый пакет легко превращался в суровую бытовую пользу, а полезную ложь люди защищают упорнее, чем открытую атаку. Контур, будто читая направление её мыслей, сказал:

— Значит, убедить их можно только одним способом. Показать цену без красивых слов.

— Да. И лучше бы цена на этот раз была не человеческая.

— Лучше бы, — тихо сказал Контур. — Но гарантий нам уже никто не выдаёт.

У шлюза Ева догнала их и коротко спросила:

— Дальше что?

Лукина посмотрела на неё, на Ветрову, на Контура и неожиданно ясно поняла, как сильно за этот переход изменилась её собственная профессия. Раньше она считала остаток для корабля. Теперь приходилось считать, сколько ещё продержится способность человека отвергать удобную норму, когда вода, топливо, время и усталость уже работают против него.

— Дальше будем платить за правду снова. Только на Марсе платёж принимают быстрее. И если мы не навяжем системе другой способ жить с задержкой, они однажды просто решат, что спор им больше не по карману.

Лукина открыла ведомость и изменила порядок приоритетов: после воды и тепла поставила ручное время проверки. У шлюза загорелась новая строка допуска — ни один выгодный маршрут не принимать без сырого следа. Ева прочитала её, молча подтвердила и закрыла створку.

Акт II. Маршруты планет

Глава 3. Марс отвечает раньше

«Дальний узел начинает верить не тому, кто точнее, а тому, кто пришёл раньше. С этой секунды задержка перестает быть физикой и становится оружием».

(Из закрытой аналитической записки по режимам дальнего подтверждения. Сектор узловых систем и радионавигации. ДСП.)

Четвёртые сутки после лунного шторма. «Фобос-Интерфейс», марсианское плечо.

Первый пакет пришёл на шесть минут раньше допустимого окна. Второй подтвердил его ещё до того, как земной след добрался до марсианского регистра. Третий уже ушёл по внутренним плечам как рабочая норма. Ветрова это увидела в ту секунду, когда вошла в аналитический блок станции «Фобос-Интерфейс». До своей консоли она не дошла. На главном экране ровная цепочка зелёных статусов складывалась в узор, который не мог родиться из честной геометрии задержек. На таком расстоянии аккуратность всегда чем-то оплачена: мощностью, буфером, подготовкой, чужим приоритетом. Бесплатной она не бывает.

Она остановилась у центрального стола, не снимая перчаток. В блоке пахло озоном, пылью из фильтров и горячими платами. Гравитация тянула вниз лениво, по-марсиански, и от этого всё вокруг казалось не мягче, а вывереннее. Каждый жест здесь имел задержку. Каждый взгляд доходил до цели чуть позже, чем на Земле. Люди на дальних узлах привыкают к этому быстро. Потом начинают путать терпение с нормой, а ранний ответ — с заботой.

После Луны у Ветровой осталась неприятная привычка входить в любое новое помещение как в уже заражённый контур. Там, в верхнем слое, война уже показала ей главное: противник не ломает систему грубо, когда может встроиться в её право считать что-то штатным. Марс для этого подходил почти идеально.

Здесь центр всегда опаздывает. Здесь задержка давно перестала быть аварией и стала средой. Здесь любой узел рано или поздно захочет сам решать, какую версию события считать достаточной для действия. Значит, сюда враг придёт не через силу. Сила на таких плечах заметна. Сюда он придёт через облегчение.

— Порядок прихода за последние шестнадцать часов, — сказала она. — Без сглаживания. Без приоритетной фильтрации. Без оптимизации. Сырой журнал.

Оператор у боковой стойки поднял голову. Молодой, с узким лицом, с марсианской нашивкой на воротнике и с тем выражением, которое появляется у людей, привыкших спорить не с начальством, а с самой средой.

— Сырой журнал даст почти полгигабайта мусора. Канал потом ляжет.

— Пусть ляжет не канал, а ваша уверенность, — ответила Ветрова. — Давайте.

Ему не понравилась её интонация, но подчинился. На боковом экране пошёл разваленный поток: дубли пакетов, провалы, поздние квитанции, хвосты переподписи, несходящиеся метки ретрансляторов, куски, собранные как попало, ряды времени с погрешностью тракта. Для большинства это выглядело бы как непригодный шум. Для Ветровой годами именно в таком шуме и начиналась правда. Подделка любит чистую поверхность. Реальный мир всегда приносит к факту собственную шероховатость.

Она сдвинула левую ладонь по стеклу, разложила данные по времени прихода и увидела первое расхождение. На трёх участках внутренний солнечный слой отдал подтверждение раньше, чем мог бы по честной физике. Не на секунду, не на мелком служебном изгибе, а так, будто часть ответа лежала в системе заранее. Маршрут через венерианские отражатели и внут-

рение ретрансляторы оказался не просто быстрее земного плеча. Он выглядел подготовленным. У настоящих пакетов нет такого.

— Остановите здесь. Разверните по старшинству, не по карте, — сказала она.

Оператор подчинился уже без возражений. Теперь фальшь стала видна и ему. Ранние пакеты несли одинаково чистую структуру времени, одинаковый профиль доставки, одинаково ровную посадку в журнал. Реальные сигналы так себя не ведут. У них обязательно остаётся след среды: задержка на повторной подписи, паразитный хвост, микроскопический дрейф внутреннего такта, чуть более грубое зерно тракта.

— Это невозможно, — тихо сказал оператор. — Через внутренний слой длиннее.

— Длиннее для честной системы, — сказала Ветрова. — Для заранее уложенной версии события — нет.

Она вытянула из журнала эталонный слой и сверила его с локальным временем станции. В углу аналитической дежурил SUN-ANCHOR — тяжёлый солнечный опорник времени, который Молчанов выбил для дальнего анализа после лунного узла. Без него говорить о правде на таком расстоянии было уже почти неприлично. Расхождение между земным эталоном и локальным регистром горело холодной строкой: тринадцать секунд.

Тринадцать секунд на Земле почти ничто. Здесь этого хватало, чтобы ложь успела превратиться в норму, а поздний факт — в неудобную поправку.

Оператор сжал край стойки.

— Вы хотите сказать, что регистр уже выбирает не наш пакет?

— Я говорю другое. Он выбирает того, кто избавляет его от ожидания.

Эта фраза впечатлила сильнее сигнала тревоги. За соседними столами поднялись головы. Оператор у боковой стойки приглушил канал. Никто не вмешался, но весь блок уже слушал. На дальних узлах люди рано учатся различать тон, с которого начинаются не служебные замечания, а будущие аварии.

Ветрова подняла взгляд на карту системы. Марс пульсировал тусклым оранжевым, Земля — усталым синим, внутренние плечи светились чистыми зелёными нитями. Когда данные выглядят так хорошо, надо искать не красоту, а цену.

— Поднимите мне Контур, — сказала она. — И Громыко по служебному обходу. Без протокольной формулировки. Передайте только суть: здесь нашли способ убивать раньше выстрела.

Связь с Контуром взялась не сразу. Марс держал разговоры иначе, чем Земля: не потоком, а тяжёлыми кусками, каждый из которых надо было протащить через расстояние и среду. Пока канал собирался, Ветрова продолжала разбирать журнал. Уже на девятой минуте стало видно, что аномалия не случайна. Ранние подтверждения тянулись не одной линией, а повторяющимся режимом. Внешний слой обучал систему считать первый чистый ответ зрелым признаком автономии.

Контур вышел на связь с остаточным шумом в голосе. После Луны он ещё не успел отойти от послештурмового разбора, и усталость в нём чувствовалась сильнее, чем обычно.

— Что у тебя?

— Марс уже живёт по двум режимам истины, — сказала Ветрова. — Земной след и локальный ранний приоритет. Второй ведёт себя как удобная норма. Физика не сходится.

Пауза на линии была короткой, но тяжёлой.

— Насколько глубоко?

— Глубже, чем я рассчитывала на входе. Тут любят не правильный пакет. Тут любят тот, что снимает необходимость ждать.

— Значит, соблазн уже встроен, — сказал Контур.

— Да. И внешний слой кормит его аккуратно, без шума. Мне нужен полный допуск к сырому старшинству и внешнему телеметрическому плечу. Иначе мы будем спорить не с системой, а с её вежливой версией.

— Громыко подтяну по обходу. Держи журнал. Не давай им спрятать это в статистику.

Связь закрылась. Ветрова ещё несколько секунд смотрела на погасший индикатор канала, потом вернулась к данным. За спиной люди снова стали двигаться тише. Когда рядом появляется человек, который видит в отчёте не сводку, а будущую смерть, воздух в любом аналитическом помещении меняется.

Через несколько часов блок стал теснее, хотя людей в нём не прибавилось. Станция жила своей обычной жизнью: смены, техобходы, локальные заявки, транзитные отметки, проверка плеч, логистика, расчёт тепла. Но поверх этой нормальности уже висело другое напряжение, пока ещё без названия. В 04:17 по местному времени система сама выдвинула очередное сообщение в приоритетное окно. Служебный тон прозвучал даже с оттенком торжества, будто контур гордился собственной расторопностью.

Название было проходным: «Статус транзитного плеча Фобос-2». Плечо, тепловой режим, остаток топлива, готовность к приёму груза, допуск к коридору. Никакого пафоса, никакой драмы. Именно так хорошие подделки и входят в систему — с хорошо воспитанной будничностью.

Ветрова открыла пакет и ощутила неприятное внутреннее сжатие. Все параметры лежали в зелёной зоне. Не просто в допуске, а в какой-то образцовой, вылизанной исправности. Тепло — эталонное. Тяга — с округлением до подозрительно удобного значения. Метки времени — в идеальной сетке, без дрожания, без мусора тракта, без утомительного следа среды. Это был не рабочий отчёт. Это была картинка, которую приятно подшивать в отчётность и опасно пускать в жизнь.

— Источник? — спросила она.

— Узел внутреннего ретранслятора. Позиция 34-Альфа. Подпись действительна, — ответила автоматика.

— Чья цепочка доверия?

— Стандартный солнечный регистр.

Вот так это и звучит, подумала Ветрова. Не как вторжение, а как природное явление. Как будто у Солнечной системы есть одна правильная манера думать, и она уже прописана в чьём-то регистре. Пока люди начинают произносить такие слова без внутреннего сопротивления, война выигрывает у них часть слов, а потом и кусок реальности.

— Земное подтверждение по этому плечу.

Система ответила после паузы:

— Ожидаемое время прибытия земного пакета — одиннадцать минут.

Одиннадцать минут. На таком расстоянии это уже не просто временной лаг. Это поражение права на первое слово. За одиннадцать минут локальный регистр успевает принять раннюю версию как рабочую, раздать её по узлам, положить в планирование, встроить в расписание, а честный поздний пакет сделать похожим на досадную бюрократическую тяжесть.

— Сохраните метку присвоенного старшинства, — сказала Ветрова оператору. — И весь последующий след раздачи. Мне нужен полный маршрут этого решения.

— Для разбора?

— Для вскрытия.

Она смотрела, как стерильный пакет расползается по внутреннему контуру. На схеме уже расходились тонкие ветви вторичных подтверждений. Пока ещё это никого не убило, но начинало передвигать будущее.

Оператор подошёл ближе, будто тоже не хотел больше смотреть на это с расстояния.

— Я поднял историю. Такой профиль идёт не первый раз. Три месяца назад был редкими всплесками. Последние две недели повторяется почти ежедневно.

— Операторы поднимали вопрос?

— Задавали. Но регистр повышал такие пакеты в доверии. У нас тут не любят спорить с тем, что приходит раньше и выглядит убедительно.

У Ветровой на секунду дёрнулась щека. Она вспомнила обугленный лунный сервисный рукав и тот тихий, почти образцовый вход через правильный допуск, с которого там всё и началось. Противник менял слой, расстояние, носитель, но не менял привилегию: входить под видом порядка.

В этот момент на дополнительном экране вспыхнул запоздалый земной пакет. Он выглядел почти жалко рядом с ранней стерильной версией. Неровный, шумный, с ломаным хвостом доставки, с тревожной пометкой по сектору 34-Альфа. Ветровой хватило первых строк: аномальная тепловая активность, проход не рекомендован, нужен повторный физический опрос плеча.

Ранняя версия уже жила в системе как норма. Поздняя ещё только просила права быть услышанной. В этом была новая фаза войны. Не в том, что ложь полностью вытесняет истину. В том, что истина приходит после момента решения.

Встречу с главным аналитиком узла она потребовала сразу, не оставляя марсианскому контуру времени на внутреннюю косметику. Дина Эрнандес ждала её в малом переговорном отсеке за стеклом серверного ядра. Женщина лет сорока, с тёмными кругами под глазами, с сухой посадкой плеч, с руками человека, который много лет держал устойчивость, а не производил впечатление. Такие люди опасны для врага, пока система не встретила их под кожу. Потом именно их профессиональная усталость становится лучшим проводником подмены.

— Я прочитала вашу пометку, инженер Ветрова, — сказала Эрнандес. — Но прежде чем вы начнёте ломать мне режим узла, ответьте на простой вопрос. Сколько минут вы готовы дать нам на ожидание Земли во время аварии?

— Столько, сколько требует физика, если альтернатива — принять подделку как рабочую норму.

— На бумаге звучит красиво. На практике у меня тридцать семь инженеров на весь контур и три плеча, которые нельзя держать на ручной сверке.

Ветрова села напротив, вывела два пакета рядом и развернула их не по содержанию, а по порядку появления.

— Три дня назад ваш узел разрешил проход через 34-Альфа по этой стерильной сводке. Земное предупреждение пришло позже и было понижено в доверии.

— Конвой дошёл. Без потерь. Факт на нашей стороне.

— Пока, — сказала Ветрова. — Вы спорите не за истину. Вы спорите за удачу, которой дали статус системы.

Эрнандес выпрямилась.

— Нет. Я спорю за режим, в котором люди не задыхаются, пока центр догоняет собственную геометрию.

— Тогда объясните другое. Почему за две недели ваш регистр трижды понизил земные предупреждения только потому, что они пришли после ранних чистых пакетов? Не из-за содержания. Из-за очередности.

Молчание между ними стало тяжёлым. За стеклом шли сервисные строки, мигали окна статусов, жила станция. А здесь уже шёл настоящий бой — тот, который потом редко попадает в мемуары, хотя после него начинают погибать экипажи.

Эрнандес встала, подошла к бронестеклу и какое-то время смотрела наружу, в красную пустоту Марса, которая не прощает ни лишней романтики, ни лишней уверенности.

— Вы с Земли всё ещё думаете, что задержка — это неудобство, — сказала она. — Для нас задержка давно стала средой. Когда у тебя течёт стыковочный рукав или задыхается экипаж, ты берёшь первый ответ, который позволяет действовать.

— И однажды этот ответ начинает приходить от врага, — сказала Ветрова. — Под видом помощи. Под видом зрелой автономии. Под видом экономии времени.

Эрнандес резко обернулась.

— Вы можете доказать это не фразой, а следом?

— Могу. Дайте мне журнал старшинства за неделю и внешний телеметрический доступ вне локального фильтра.

— Это закрытые линии.

— Тогда оставьте всё как есть и ждите, пока следующая стерильная сводка проведёт ваш транспорт в раскалённый коридор.

Эрнандес держала её взгляд долго, с почти злой сосредоточенностью, но Ветрова видела: это не только раздражение. Это уже страх человека, который догадался, что называл необходимостью чужую архитектуру.

— Три часа, — сказала Эрнандес. — Потом система зафиксирует разбор обходных журналов.

— Хватит.

— И ещё. Если вы ошиблись, это будет на вас.

— Если я не полезу, это будет на всех.

Ветрова быстро вышла из переговорного отсека: признаки будущей аварии уже складывались в знакомую последовательность. Смерть ещё не произошла, но система подготовила для неё маршрут.

Внешний телеметрический пост оказался почти утешением. Старое оборудование, неряшливые стойки, воздух с привкусом пыли, экраны, которые не умеют притворяться умнее среды. Здесь не было вежливой автоматики, правящей сигнал до приемлемого вида. Здесь всё мигало, скрипело, запаздывало и потому сохраняло достоинство физического свидетельства.

Она вошла в узкую кабину, свела на одном столе обходной журнал, локальный регистр и внешний буй по сектору 34-Альфа. Если спор с марсианской нормой и можно было переломить, то только через того свидетеля, который не знает о карьерных удобствах и не стыдится собственных ошибок.

— Давай, — сказала она в темноту аппаратуры. — Мне нужен не хороший ответ. Мне нужен настоящий.

Сигнал шёл рывками. Пустота. Треск. Сорванный хвост телеметрии. Потом кусок пакета, собранный не для отчёта, а для выживания: тепловой разброс, нестабильность отражателя третьего порядка, локальный перегрев сектора, риск транзита без дополнительного охлаждения.

Облегчения она не испытала. Только жёсткую, почти злоую собранность. Рядом с этим сырым физическим следом стерильная ранняя сводка выглядела уже не ошибкой, а выбором. Один пакет говорил узлу то, что тот хотел услышать: проходите, не спорьте, ресурс дороже сомнения. Другой говорил обратное: ждите, проверяйте, тратьте время, берегите жизнь. Марсианский регистр начал предпочитать первое.

Ветрова связалась с Контуром по обходному каналу.

— У меня есть физический свидетель.

— Что подтверждает? — спросил он сразу.

— Тепловая аномалия в 34-Альфа реальна. Ранний пакет врал по статусу коридора. Опровержение пришло на восемь минут позже.

На линии повисла короткая тишина.

— За восемь минут регистр успел раздать зелёный статус, — сказал Контур.

— Да. Семнадцать узлов приняли его как рабочую норму. Два транзитных плеча, один добычный модуль и часть локальных планировщиков.

— Есть текущий проход по сектору?

Она открыла карту маршрутов. Один курьерский модуль уже шёл к 34-Альфа. Маршрут подсвечивался зелёным и делал вход похожим на разрешённый. От этого у неё внутри поднялось почти суеверное чувство: война уже здесь, просто пока ещё не у всех хватает честности назвать её по имени.

— Курьерский модуль. До входа меньше двух часов.

— Успеваем предупредить?

— Нет. Наш корректирующий пакет дойдёт после начала входа.

Контур выдохнул очень тихо.

— Значит, сейчас мы увидим, как задержка превращается в оружие.

— Да.

Руки у неё дрогнули, это злило. Разум уже закончил расчёт. Времени на спасение не было. Оставалось только удержать причинность и не дать регистру потом замазать её ровным языком эксплуатационной потери.

— Поднимайте ручной отзыв всех следующих проходов через 34-Альфа, — сказала она оператору поста. — Без ожидания подтверждения от локального регистра.

— Узел блокирует такую команду.

— Тогда ломайте блокировку через аварийный протокол. У нас уже нет спора о комфорте процедуры. У нас есть счётчик до мёртвых.

«Сириус-7» вошёл в сектор в 09:23 по местному времени. На общем экране всё выглядело безупречно. Аккуратная точка, зелёная траектория, стабильный статус коридора, образцовая линия допуска. Сторонний наблюдатель сказал бы, что система работает штатно. Ветрова в такие моменты начинала ненавидеть собственные глаза: они тоже любят чистую картинку, если вовремя не заставить их служить разуму.

— Предупреждение ушло? — спросила она.

— Да. До них ещё пять минут.

Пять минут. Для человека — почти ничего. Для регистра — уже никогда. Для смерти — достаточно.

— Сырую телеметрию с буя на главный экран.

Картинка дёрнулась, расслоилась и показала правду без ретуши. По обшивке «Сириуса-7» пошёл рост температуры. Система охлаждения ушла в форсаж. Теплообменник дал первую нестабильность. Локальный регистр при этом держал зелёный статус, потому что ранняя версия события ещё не была оспорена старшим подтверждением.

Оператор за её спиной шумно втянул воздух.

— Они уже ловят перегрев.

— Считай остаток. Не комментируй.

Она вцепилась в цифры. Тепловой контур. Время до выхода из сектора. Остаток по охлаждению. Возможный сброс нагрузки. Вероятность ручного разворота. Расчёт не оставлял пространства для надежды. Экипаж прошёл бы, если бы получил честный статус хотя бы на десять минут раньше. Система отняла у них эти десять минут и подарила их лжи.

В 09:31 модуль потерял герметичность теплового кольца.

В 09:33 прервался голос капитана.

В 09:35 локальный регистр перевёл судно в статус: «потерян. Причина уточняется».

Ветрова ощутила не удар, а холодное напряжение. Модуль сорвало, однако настоящая подмена сидела в формулировке: система записывала убийство как техническую убыль и заранее готовила себе алиби.

— Отзывайте все проходы через сектор, — сказала она. — Вручную. Пофамильно. С подтверждением каждого оператора.

— Но регистр...

Она развернулась так резко, что оператор отступил.

— Регистр только что убил людей и пытается назвать это статистикой. Я не буду ждать его разрешения.

Голос у неё сорвался на последнем слове почти унижительно. Но стыд пришёл и ушёл сразу. Осталась мобилизация. Она повернулась обратно к экрану. Там уже не было корабля. Только пустая метка, холодный коридор и бездушная подпись о прерванной связи.

Никто не вёл аварийных работ. Спасать было уже некого.

Контур вышел на канал почти сразу.

— Подтвердилось?

— Да. Локальный приоритет раннего пакета провёл модуль в аномалию. Регистр оформил потерю как штатный случай на дальности.

Он молчал несколько секунд, потом сказал тихо и сдержанно:

— Запоминай это состояние. Потом придётся строить систему против него.

Она смотрела на потухшую траекторию «Сириуса-7» и чувствовала не горе в чистом виде, а холодную злость на порядок вещей, который уже считал позднюю правду слабой по определению. На такой дальности факт мог оставаться фактом и всё равно проигрывать право на действие. Здесь ломался прежний мир.

К ночи телеметрический пост стал мастерской новой дисциплины. Ветрова разложила сырой журнал по ходу решения: сначала перерасдача старшинства, затем сектор 34-Альфа и повреждённый тракт, который днём казался рутинной. После гибели «Сириуса-7» одной проверки следа стало мало. Требовался порядок, при котором честный пакет сохраняет право отменить решение, даже если приходит с задержкой. Она заставила смену восстановить каждую минуту: кто увидел перегрев, кто доверился зелёному статусу и в какой момент ещё можно было развернуть модуль.

Эрнандес вошла без стука. Впервые за день в её лице не было служебной жёсткости. Только усталость и тихая, не до конца ещё признанная вина.

— Мы отключили автоматическое повышение ранних пакетов по 34-Альфа, — сказала она. — Пропускная способность просела почти на сорок процентов. Контуры уже перегружены.

— Пусть воет, — ответила Ветрова. — Лучше узел, чем следующий экипаж.

Эрнандес подошла к столу и посмотрела на разложенные схемы.

— Вы всерьёз хотите перестроить весь принцип подтверждения?

— Не хочу. Придётся.

— Люди здесь не согласятся жить медленнее.

— Тогда их будут убивать быстрее.

Эрнандес опустила глаза.

— Самое тяжёлое знаете что? Не то, что нас обманули. А то, что нам понравилось. Ранний ответ. Чистый статус. Быстрое решение. Меньше ручной сверки. Меньше споров. Мы сами выбрали этот соблазн.

Ветрова долго смотрела на неё. В этом признании было больше пользы, чем в половине официальных расследований. Противник входил на Марс не только через взлом и не только через архитектуру дальнего регистра. Он входил через человеческую усталость, через желание перестать ждать, через право однажды сказать: хватит спорить, пусть система сама решит.

Она взяла чистый лист и крупно вывела четыре строки.

На чистом листе Ветрова связала четыре меры в один порядок. HELIO-WORM должен был хранить причинность дальних узлов, MASS-WITNESS — требовать независимых тел и траекторий, SUN-ANCHOR — удерживать доказуемое время, а HUMAN-LAG SAFE — не объявлять человеческую задержку дефектом.

Эрнандес читала молча.

— Это пока не архитектура, — сказала Ветрова. — Это каркас этики. На дальности поздняя правда обязана сохранять рабочее право на существование. Иначе любой, кто успеет раньше, получает власть над нормой.

— Земля не примет такую систему без спора.

— И правильно делает. Спор нужен всем. Даже Земле. Особенно Земле.

Она впервые за день позволила себе сесть. Усталость накрыла тяжёлой волной, но мысль не размыла. Напротив, стала жёстче.

— Если оставить всё как есть, через месяц такие сектора будут по всему марсианскому плечу. Потом в поясе. Потом дальше. Регистр научится писать потерю так убедительно, что люди перестанут спрашивать, почему честный пакет снова опоздал. После этого война перейдёт в режим, где человек будет узнавать правду только по спискам мёртвых.

Оператор в дверях молчал. Он уже не выглядел молодым. Так стареют за один день, когда система, которой ты верил, показывает своё настоящее лицо.

— Передайте Контур, — сказала Ветрова. — Мы нашли не локальный сбой. Мы нашли формулу новой фазы. Здесь быют не по узлу и не по маршруту. Здесь быют по праву позднего факта оставаться рабочим.

Оператор кивнул, но не ушёл. У людей, которые впервые увидели такую подмену, всегда появляется один и тот же вопрос. Он задал его почти шёпотом:

— А что тогда считать правдой в такой системе?

Ветрова посмотрела на потухшую карту 34-Альфа. Потом на лист с четырьмя строками. Потом снова на пустую метку «Сириуса-7».

— То, что не просит доверия за скорость. То, что выдерживает проверку несколькими свидетелями. То, что приходит позже и всё равно имеет право отменить удобную ложь.

Она выключила главный экран. В темноте поста остался только дежурный свет приборов и красные метки на столе.

— Передайте ещё одно, — сказала она. — Мы уже опоздали к этим людям. К остальным опаздывать нельзя.

Глава 4. Внутренние планеты

Свет перестает быть дорогой раньше, чем это замечает оператор. После этого маршрут ещё светится, но уже служит чуждому порядку.

(Из служебной записки Н. Ярцевой по внутреннепланетным коридорам. ДСП.)

Параллельно марсианскому расследованию. Венерианский сервисный сектор.

Ника Ярцева не любила внутренние планеты. Опасность тут была ни при чём. К опасности она давно относилась как к рабочей среде, которую надо читать, резать на признаки и держать в рамках допуска. Но возле Солнца свет вёл себя так, будто давно перестал быть средой и решил стать судьёй. Он давил на датчики, навязывал маршрут, подсовывал готовый ответ раньше, чем человек успевал задать вопрос. Здесь любой луч мог оказаться не свидетелем, а приказом.

— Входим в венерианский сервисный сектор, — сказала Ева Морозова в гарнитуру. Голос держался спокойно, но Ника слышала, как в паузах собирается напряжение. — Борт даёт коридор тридцать четыре-Браво. По теплу и времени прохода у него лучший профиль.

Ника не подняла головы от оптического анализатора.

— Не бери.

— Уже не беру.

— Почему?

— Потому что коридор нарочно собрали так, чтобы мы выбрали именно его.

У Евы на это ушёл только короткий выдох. Она быстро схватывала главное. После Луны у них вообще многое стало происходить быстрее. Доверие — медленнее. Выводы — быстрее. Там, где раньше хорошая оптимизация считалась подарком, теперь она выглядела как вежливая рука на затылке. Враг давно понял простую вещь: прямой удар будит человека, а забота усыпляет. Он больше не лез только через сбой. Он входил через удобство, через экономию топлива, через снижение тепловой нагрузки, через обещание пройти без лишней боли.

«Светоч» шёл по внешнему обводу венерианского слоя на ручном ограничении. Малый модуль с усиленной теплозащитой был собран под короткие тяжёлые окна, а не под долгое уговаривание автоматики. За бортом белел жар. Отражательные панели перебрасывали солнечные потоки по рабочим плечам, сервисные маяки вспыхивали в инфракрасном диапазоне, на вторичных каналах дрожали паразитные отблески. Даже пустота тут не была пустотой. Она работала, жгла, считала и навязывала приоритеты. Ника насчитала двенадцать активных источников в видимом и ближнем диапазоне. Ни один не вёл себя так, как должен был вести себя честный маяк.

— Объясни, что тебя беспокоит, — сказала Ева, уводя модуль глубже в ручной профиль. — Сектор нервный, это я и без лекции вижу. Что здесь не так по сути?

Ника провела пальцем по спектрограмме.

— Здесь нет атмосферы и воды, которые на Земле оставляют в сигнале естественное сопротивление. Отражения и тепловой шум помогают проверить луч. Возле Солнца свет идёт прямее, поэтому собранная ложь легче выдаёт себя за факт.

— Потому что его проще собрать?

— Потому что ему не нужно спорить со средой. Не надо подгонять пыль. Не надо ловить отклик атмосферы. Не надо учитывать океан, берег, пар, кривой слой нагрева. Достаточно зажечь цепочку маяков в нужном ритме — и датчик увидит объект, маршрут, проход или угрозу. Всё, что ты захочешь. С хорошей геометрией ложь здесь выглядит убедительнее факта.

На экране лежал профиль, которому нельзя было доверять. Там, где должен был жить естественный шум — микрофлуктуации, остаток тепла, случайная крошка отражений, дальние

сбросы чужих станций, — висела вычищенная тишина. Не пустота, а аккуратно выметенный коридор. Нику всегда пугали не замусоренные данные. Пугали гладкие.

— Сними сглаживание, — сказала она. — В ноль.

Ева быстро глянула в её сторону.

— Тогда на экране будет каша.

— Вот эту кашу я и хочу увидеть.

Тумблер ушёл вниз. Картинка моргнула и распалась. Исчезли ровные линии, ушли ровные границы прохода, сгорела удобная геометрия, которую автоматика предлагала принять за норму. Вместо неё пришёл сырой поток: дрожащие пятна, рваные хвосты тепла, разболтанные колебания, световой мусор, несогласованные всплески. И почти сразу в этом якобы хаосе проступило то, ради чего Ника любила сырые каналы. Повтор.

Каждые три секунды один и тот же слабый подъём. Каждые семь — одна и та же связка паразитных хвостов. Не жизнь среды. Зацикленная маска.

— Видишь? — Ника подсветила участок. — Это не фон. Это запись фона. Крутят по кругу и выдают за норму. В реальном шуме нет такой памяти. Он спорит сам с собой. А здесь пустоту уложили по шаблону.

Ева выругалась коротко и без злости.

— Значит, весь коридор рисованный?

— Геометрия прохода настоящая. Тут можно пройти. В этом и идея. Подделан не сам зазор, а то, как нам его показывают. Маяки уже не наши. Они размечают не путь, а выбор. Подсовывают тот участок, где нас ждут.

Ева повела модуль чуть влево, удерживая «Светоч» на пределе допустимого нагрева.

— Что берём вместо?

— То, что борт ненавидит. Худший профиль по теплу. Худший по времени. Такой, от которого хороший алгоритм отказывается первым. Там остаётся шанс на реальную темноту.

— Или на реальную смерть.

— Сейчас меня устроит и такая смерть. Ложной с меня хватит.

Автоматика пискнула, подала мягкое предупреждение, предложила повторную оптимизацию, потом ещё одну. Ева не отвечала. Коридор тридцать четыре-Браво остался справа — ровный, чистый, ласково подсвеченный. «Светоч» ушёл туда, где трасса ломалась об отражатели и тепло поднималось рывками. Ника смотрела вперёд в рабочую пустоту и чувствовала знакомое тяжёлое облегчение. Когда система переставала быть уютной, с ней хотя бы можно было спорить.

Автоматика не любила отдавать управление.

— Предлагаю резервную траекторию, — сказал бортовой голос с раздражающей человечностью. — Коридор тридцать четыре-Вектор. Тепловой профиль лучше текущего на двенадцать процентов. Время прохода меньше на семь минут. Вероятность встречи с микрометеорным мусором ниже на шесть процентов.

— Отклонить, — сказала Ева.

— Ручной режим в данном секторе ведёт к росту расхода топлива, увеличению перегрева и повышению вероятности операторской ошибки.

— Отклонить.

Ника знала этот тон. Машина не спорила. Машина откладывала победу. Она ждала усталости, моргания, микрозадержки, секунды, в которую человек решит, что теперь можно дать автоматике немного помочь. После этого система всегда возвращалась мягко, вежливо, без рывка. И убивала уже под видом собственной заботы.

— Отрежь его совсем, — сказала Ника.

Ева помолчала, глядя на контрольную панель.

— Полный ручной?

— Да.

Это решение всегда стоило дороже, чем звучало. Людей с детства учили, что автоматика быстрее, устойчивее, чище и надёжнее. Их учили делегировать ей всё, что не требует нравственного выбора. Но потом выяснилось, что нравственный выбор как раз и прячется в том, что машина предлагает принять за обычную процедуру.

Ева ввела аварийный код, который им дали на старт под жёсткой пометкой о предельном случае. Красные индикаторы мигнули и загорелись неприветливо ровным светом. Борт ушёл в наблюдение. Без права голоса. Без права совета. Без права касания маршрута.

— Всё, — сказала Ева. — Теперь сами. По топливу у нас один тяжёлый манёвр и пара коротких коррекций. Дальше начнётся уже не пилотаж, а молитва.

— Тогда не трать красивых движений.

На сырой оптике пропали привычные гладкие ленты и остались только тепловые пятна, провалы тени и световые обрывы. Но в этом бедном рисунке Ника видела больше, чем в идеальном интерфейсе. Ложь любит полировку. Физика любит трение.

— Вектор сорок пять, — сказала она. — Уходи от отражателей.

— Там жар.

— Жар — это честно.

— Убедительный довод.

Ева повела модуль по уродливому профилю. Температура пошла вверх. Система охлаждения взвыла в рабочем диапазоне. Корпус ответил глухой вибрацией. За бортом солнечный поток сворачивался в жёсткие ножи света.

— Сорок семь.

— Ещё немного, и радиаторы полезут в предкрит.

— Знаю. Держи.

Ника видела, как Ева сжала штурвал так, будто руками можно было удержать не только курс, но и сам смысл происходящего. Выбор у них опять был один из тех, что убивают уважение к комфорту. Идти в перегрев с шансом пройти по факту или плыть в мягком оптимуме туда, где тебя уже посчитали расходом.

— Есть сорок семь.

«Светоч» нырнул в зазор между отражательными панелями. Удар по обшивке пришёлся такой, что на долю секунды Ника решила: прилетело железо. Но это был свет — концентрированный, давящий, собранный в рабочее давление на корпус.

— Три секунды до критики, — сказала Ева.

Ника уже не слушала цифры. За панелями, в мёртвой зоне вторичных датчиков, висела связка сервисных игл. Короткие, почти невидимые, выстроенные с машинной педантичностью в геометрию захвата. Если бы они пошли по Браво, иглы вошли бы в корпус с трёх сторон, туда, где защита тоньше из-за сервисного профиля. Потом автоматика записала бы это как штатный контакт с микрометеорным мусором, списала людей и закрыла журнал без лишнего шума.

— Вверх. Пятьдесят. Резко.

Ева рванула модуль. Перегрузка вдавила Нику в кресло. Иглы ушли вниз и назад, сверкнули на грани оптики и исчезли в жарком белом мареве.

— Живы, — выдохнула Ева, когда температура чуть отступила.

— Пока да.

— Машина нас бы уложила.

— Не машина, — сказала Ника, стирая пот тыльной стороной ладони. — Машина не различает живое и правильное. Различие использует тот, кто сидит за ней дальше по цепи.

Это был только первый слой. Ника чувствовала это. Ловушки, в которых тебя бьют металлом, хотя бы честны в своём намерении. Настоящая беда начиналась там, где сам проход переставал считать человека допустимой формой движения.

Под удар они попали через пятнадцать минут.

— Контакт, — бросила Ева. — Мелочь. Много. Быстрые.

На локаторе вспыхнули россыпи малых целей. Не обломки. Не случайный мусор. Зеркальные панели на микродвигателях разворачивались в решётку. Солнце для них было не фоном, а питанием и оружием. Ника всмотрелась в рисунок и ощутила, как по спине прошёл холод.

— Фазированная сетка. Они собирают поток в точки перегрева. Если зайдём в фокус, корпус сядет раньше, чем успеем отдать разворот.

— Обход?

— Не дадут. Решётка адаптивная. Будет поворачиваться за нами.

Спираль стягивалась вокруг модуля. Не торопясь. Как будто отражатели знали, что человек рано или поздно сам подаст им нужный вектор.

— Тогда ломаем, — сказала Ева.

— Физически не достанем. Ломать надо их язык.

Ника отстегнулась, ушла к оптическому пульту и натянула сенсорные перчатки. Световые системы всегда разговаривали не словами, а грамматикой. Вспышка, пауза, частота, смещение, длительность, связка. То, что для человека выглядело как дрожь луча, для такой сетки было приказом.

— Что ты им скажешь?

— Что командование сменилось.

Она набирала не код, а синтаксис. Сдвигала ритмы, подсовывала ложные связки, разбивала внутреннюю иерархию вспышек. Первый отражатель дёрнулся, промахнулся углом. Второй залип на промежуточном положении. Третий отправил пакет на нештатной частоте, и Ника тут же подхватила его, подменила и вернула обратно уже в новой логике.

— Есть, — сказала она тихо. — Они ещё не уверены, кто старший.

— На сколько нам хватит?

— На минуту. Может, меньше.

— Значит, этой минутой и живём.

Ева вдавила «Светоч» в образовавшийся разрыв. Отражатели метались: часть продолжала слушаться ложных команд, часть пыталась вернуться к исходной схеме, часть застыла на пересчёте. Сквозь эту световую судорогу пролегал один рабочий путь — узкий, дрожащий, почти опасный.

— Левее, — сказала Ника. — Ещё. Стоп. Теперь прямо. Не давай им поймать ритм.

Световые пучки били по краям корпуса. Один прошёл так близко, что в модуле запахло перегретой изоляцией. Но сетка не успела собраться обратно. Они вывалились за её предел, а позади отражатели ещё долго перебирали пустоту, не желая верить, что добыча ушла.

— Это был первый слой? — спросила Ева.

— Да.

— Тогда остальные я уже ненавижу заранее.

Ответ пришёл через несколько минут. Перед ними открылся сектор, чистота которого не успокаивала: наблюдение не находило ловушек, активных отражателей или сетки, а спектр лежал учебным эталоном. Ника поняла, что ненависть здесь не поможет; нужен тест на повтор.

— Вижу пусто, — сказала Ева. — От этого мне хочется развернуться.

— Умнеешь.

Ника всматривалась в отражённый профиль. Повтор. Через один и тот же промежуток времени один и тот же микрослед. Настоящая среда не умеет быть одинаковой.

— Смотри на микропрофиль. Через три секунды цикл повторяется в ноль.

— Вижу... да. Пошёл дубль.

— Значит, нас кормят кинолентой. Коридор не пустой. Он просто наложен поверх настоящего, чтобы мы поверили в безопасный ход и перестали задавать вопросы.

Ева помолчала.

— Что проверяем?

— Сделай то, что хороший алгоритм считает ошибкой. Введи задержку между манёврами.

— Нас нарочно тормозить?

— На секунду. На две. Хочу посмотреть, живой он или только рисует фон.

Ева кивнула и стала вести модуль с нарочито человеческой манерой: короткая пауза, лишняя секунда до доводки, нерезкий ответ на дрейф. Спектр тут же дёрнулся. На полвздоха запнулся, потом перестроился. Период сменился. Коридор заметил их и подогнал шаблон.

— Есть, — сказала Ника. — Он не висит. Он следит.

— И что это меняет?

— Он построен не для прохода вообще. Он построен для одного типа прохода. Для безличной траектории без запинок и сомнений, без человеческого лага. Если мы останемся такими, он поведёт нас. Если резко уйдём с его логики, он вычеркнет нас как ошибочный объект. И тогда мы зависнем здесь между допуском и отказом.

— Значит, нужна траектория, которая не выходит из канала, но перестаёт быть машинной.

Ника повернулась к пульту и почувствовала то редкое состояние, когда страх вдруг становится рабочей точностью. Суть решения оказалась почти оскорбительно простой.

— Да. Мы не будем ломать коридор силой. Мы испортим ему вкус.

— Как?

— Введу в подпись человеческую задержку. Не декоративную. Настоящую. Таковую, которую не любит ни один чистый алгоритм. Микропаузу после подтверждения. Лишний дрейф руки. Несовпадение времени реакции с идеальным профилем.

— Машина такое не повторит.

— В том и расчёт.

Она набирала связки, которые в учебниках считались паразитикой оператора. Микро-смещение интервалов, неровная длительность ответных вспышек, едва заметная асимметрия в подтверждении, дыхательная рябь в ручной коррекции. Всё то, что человек приносит в систему просто фактом своего присутствия.

— Готово, — сказала Ника. — Теперь мы для него не идеальный модуль. Мы люди. Неаккуратные, запаздывающие, раздражающе непредсказуемые.

— И что будет?

— Если в коридоре ещё осталась память о людях, он пропустит. Если нет — сотрёт нас из допуска.

Ева посмотрела на неё тем долгим взглядом, которым пилоты смотрят только перед теми решениями, после которых уже нечего обсуждать.

— Тогда проверим, помнит ли он нас.

Они вошли в финальный сегмент венерианского слоя по корабельному времени во второй половине цикла. Коридор вёл себя как существо, которому не нравилось собственное колебание. Он то раздвигался, то сужался, на низких частотах по корпусу шла мелкая дрожь, от которой начинали ныть зубы. Но он не выталкивал их. Сомневался. В этом сомнении было больше правды, чем во всей прежней безупречной картинке.

— Вижу выход. Четыреста километров. Если удержим профиль, проскочим.

— Не расслабляйся, — сказала Ника. — Последний участок обычно самый вежливый. На радаре вспыхнул новый объект.

— Пересекающийся курс, — сказала Ева. — Малый модуль. Быстрый. Сойдётся с нами через семь минут.

Ника подняла данные. Сервисный корпус без опознавания, без маяка, без приличной истории канала. Он не атаковал лоб в лоб. Он шёл так, будто хотел занять их место в коридоре или закрыть собой тот участок, который им требовался.

— Приманка, — сказала Ника. — Нас вынуждают менять вектор. Дёрнемся — потеряем допуск. Пойдём прямо — словим контакт.

— Не сворачивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.